

Мы все россияне

А.Б. Широкопад

РУССКИЕ и УКРАИНЦЫ

Братья по вере и крови

Александр Борисович Широкопад
Русские и украинцы. Братья по вере и крови
Серия «Мы все россияне»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653569
Русские и украинцы. Братья по вере и крови / А.Б. Широкопад.: Вече; Москва; 2013
ISBN 978-5-4444-1564-1, 978-5-4444-8220-9

Аннотация

Русские и украинцы испокон веку были братьями и соратниками в войнах с иноземными завоевателями: поляками, шведами, татарами, турками и немцами. Это утверждение было аксиомой еще четверть века тому назад, но сейчас оспаривается практически всеми украинскими историками.

Так что же было на самом деле? Автор попытался объективно рассказать о непростой истории отношений двух народов, имевших одних предков и одно государство – Русь.

Читатель узнает много нового и зачастую сенсационного: как дружили и враждовали наши предки, а главное, как вместе защищали от иноземцев свою землю и православную веру.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	40
Глава 6	46
Глава 7	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александр Широкоград

Русские и украинцы.

Братья по вере и крови

Глава 1

Как киевляне и владимирцы четыре века дрались в одном строю, не догадываясь, что они не русские, а украинцы

Начинать книгу о боевом братстве русского и украинского народа очень трудно. Дело в том, что в домонгольские времена существовал лишь единый русский народ. Естественно, что это не устраивает националистов ни на Украине, ни в Белоруссии. Соответственно, выдвигались теории, что украинский и белорусский народы существовали всегда и не имели ничего общего с русским народом. Отдельные же остепененные и неостепененные ученые идут дальше и вообще не считают коренное население Украины и Беларуси славянами, а некими украми или литвинами.

Так, язык укров или литвинов, соответственно, признается самым древним на земле. Именно укры изобрели колесо и вавилонскую башню, осаждали Трою и открыли Америку.

Подробно разбирать подобные утверждения я здесь не собираюсь, а интересующихся отправляю к более ранним моим монографиям: «Как Малая Русь стала польской окраиной», «Русь и Литва», «Украина: противостояние регионов».

Я лишь кратко объясню причины образования Древнерусского государства. Подчеркиваю: Древнерусского, а не Киевского. Впервые термин «Киевская Русь» ввел историк Н.М. Карамзин в качестве удобной метки. Ну а «оранжевые» националисты с 1990 г. используют этот искусственный термин для фальсификации истории.

«Повесть временных лет» описывает становление государственности на Руси следующим образом.

В лето 6370¹ от сотворения мира пошли кровавые свары у северных славян. «И не было среди них правды, и встал род на род, и была среди них усобица, и стали воевать сами с собой. И сказали себе: "Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву". И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готладцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: "Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами". И вызвались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Бело-озере, а третий, Трувор, – в Изборске...

...И от тех варяг прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью Рюрик и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Бело-озеро. Варяги в этих городах – находники, а первые поселенцы в Новгороде – славяне, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Бело-озере – весь, в Муроме – мурома, и тем всеми правил Рюрик. И было у него два мужа, не родичи его, но бояре, и отпросились

¹ 862 год от Рождества Христова.

они в Царь-град со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: "Чей это городок?" Тамошние же жители ответили: "Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хозарам". Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали много варяг и стали владеть землею полян. Рюрик же тогда княжил в Новгороде»².

Поскольку время написания летописи отстоит от описываемых событий примерно на 250 лет, то многие историки отказываются рассматривать приведенную цитату в качестве достоверного источника. Тех, кто поверил летописи, окрестили норманистами, а историков, считавших, что призвание варягов – вымысел, и князь Рюрик – мифологический персонаж, соответственно, стали звать антинорманистами.

Еще в XVIII веке спор историков получил политическую окраску. Несколько немецких историков, состоявших на русской службе, имели неосторожность намекнуть, что вот де без европейцев русские не смогли создать своего государства. Против них грудью встали «квасные» патриоты. Мы, мол, сами с усами и вашего Рюрика знать не знаем, а история наша начинается со славянских князей Олега и Игоря. Ряд историков, начиная с В.Н. Татищева, придумали Рюрику деда – славянина Гостомысла, жившего то ли в Новгороде, то ли в славянском Поморье. Исторические споры норманистов и антинорманистов не уместятся даже в самый пухлый том, поэтому я изложу наиболее вероятную версию событий.

Начнем с того, что выясним, а кто такие варяги? У нас принято отождествлять варягов с викингами – скандинавскими разбойниками. В VIII–X веках викинги (норманны) наводили ужас не только на побережье Северной Европы, но и на весь средиземноморский бассейн. В IX веке корабли викингов достигли Исландии, а в X веке – Гренландии и полуострова Лабрадор. Вожди викингов – конунги – захватывали земли в Западной Европе и зачастую оседали там, становились князьями, графами и даже королями.

Немного в ином качестве викинги появлялись в землях восточных славян за несколько десятилетий до явления туда Рюрика. Набеги на земли славян и грабежи, безусловно, имели место, но не были основным видом деятельности викингов. Здесь они чаще всего выступали в роли купцов и наемников.

Флотилии норманнских судов (драккаров) легко передвигались вдоль северного побережья Европы и грабили по пути местное население, а затем через Гибралтарский пролив попадали в Средиземное море. Это был очень длинный, но сравнительно легкий путь. А вот пройти «из варяг в греки» по русским рекам и волокам гораздо короче, но сделать это с боями было трудно, а, скорее всего, невозможно. Вот и приходилось норманнам ладить с местным населением, особенно в районах волоков. Для славянского населения волок становился промыслом, и жители окрестных поселений углубляли реки, рыли каналы, специально содержали лошадей для волока и др. Естественно, за это норманнам приходилось платить.

По пути «из варяг в греки» к викингам приставали отряды славян, а затем объединенное славяно-норманнское войско шло в Византию или войной, или наниматься на службу к византийскому императору.

Поэтому славяне и называли викингов варягами. Варяг – это искаженное норманнское слово «Vaeriniar», а норманны позаимствовали это слово от греческого «#οἰσεῦατοι», означающего «союзники», а точнее – наемные воины-союзники. Замечу, что среди скандинавских племен не было никаких варягов, и ни один народ Западной Европы не называл так норманнов. Итак, слово «варяг» отражает специфику славянонорманнских отношений.

А какую это «русь» привел Рюрик?

² Повесть временных лет // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Сост. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1969. С. 35.

Некоторые историки связывают слово «рос» – «рус» с географической и этнической терминологией Поднепровья, Галиции и Волыни, и утверждают, что именно там существовал народ рос или русь. Но, увы, эта версия не соответствует ни летописям, ни фактам. Автор придерживается мнения тех историков, которые полагают, что слово «русь» близко к финскому слову «routsii», что означает «гребцы» или «плавание на гребных судах». Отсюда следует, что русью первоначально называлось не какое-то племя, а двигающаяся по воде дружина. Кстати, и византиец Симеон Логофет писал, что слово «рус» – «русь» происходит от слова «корабль».

В IX – X веках знаменитый путь «из варяг в греки» стал государствообразующим для России. Сразу оговорюсь: этот «путь» надо понимать не в узком смысле, как нас учили в школе: Финский залив – Нева – Ладога – Волхов – Ильмень-озеро – Ловать – волоки – Днепр – Черное море. Это лишь один из вариантов пути, по которому, по моей оценке, в IX—X! веках не проходило и десятой доли товарооборота Древней Руси. На самом деле русы освоили несколько десятков речных и озерных путей, которые можно с некоторой натяжкой включить в путь «из варяг в греки».

Начну с того, что перейти с Балтики на Днепр, скажем, в районе Смоленска, можно еще как минимум тремя путями. Первый путь из Финского залива через реку Нарову в Чудское, а затем в Псковское озеро, после вверх по реке Великой и ее притокам, затем волок и – в Днепр.

Второй путь (для удобства читателя я опишу его в обратном направлении) ведет из Чудского озера в Балтийское море. Поднимаясь вверх по реке Эмба до озера Вьртсьярва, ладьи затем входили в устье реки Тянасилма и поднимались на 34 км вверх по течению до небольшого озера Вильянди. Пройдя 4,5 км по озеру, ладьи шли 34 км по речке Раудне, которая затем впадает в Халисте (7,6 км), а та – в Навести, последняя же впадает в реку Пярну (38 км). Ну а Пярну, как известно, впадает в Балтийское море.

Третий путь из Балтики на Днепр наиболее простой – вверх от нынешней Риги по Западной Двине до нынешнего городка Сураж на границе Беларуси и РФ, а оттуда вверх по притоку Северной Двины реке Каспле до озера Каспля. А от озера вверх до впадения в него речек Клец и Лелеква. Обратим внимание, рядом деревня Волоковая. Далее – волок 6–7 км по болотам и озеро Курино, из которого вытекает речка Катынь – правый приток Днепра.

Можно долго рассказывать и о водных путях, копанках (каналах) и волоках, соединявших Балтику с Доном и с Волгой, и, соответственно, с Черным и Каспийским морями.

На берегах рек в наиболее значимых с военной и торговой точки зрения местах варяги ставили свои городки, а чаще всего вселялись в славянские городища VII–VIII веков. Смешение славян и норманнов в большинстве случаев происходило мирным путем. А есть ли у автора письменные доказательства, или это только гипотеза? Честно скажу, никаких письменных источников нет. Доказательства только логические и находки археологов.

Как уже говорилось, начав тотальную войну со славянами, норманны никогда бы не добрались ни до Черного, ни до Каспийского моря. Между тем и византийские хроники, и норманнские саги говорят о систематических переходах по пути «из варяг в греки» небольших отрядов викингов, направлявшихся на службу к императору, а затем назад, в родные пенаты.

Ну а археологи нашли десятки норманно-славянских поселений, где в слоях, датированных одними и теми же годами, находят предметы, принадлежащие как славянам, так и варягам: оружие, украшения, предметы культа и быта.

Многие норманно-славянские поселения не имели укреплений, а в некоторых валы возведены лишь спустя век или два после основания поселения.

Нетрудно догадаться, что подобное было бы исключено при постоянных войнах между славянами и варягами, хотя отдельные конфликты, естественно, имели место.

Так, в VIII веке варяги основали город Ладогу. Согласно скандинавским сказаниям, город *Aldeigja* (Ладога) был основан самим Одином, позже вошедшим в пантеон скандинавских богов. Археологические раскопки доказывают, что уже в середине VIII века на Земляном городище Ладоги проживало норманнское и славянское население. Дендрологический анализ показал, что самые древние деревья из остатков укреплений были срублены в 753 г. В Ладоге найдены семь кладов, содержавшие 467 серебряных арабских монет, а также 30 монет были найдены порознь. В культурных слоях Ладоги, относящихся к 756–760 гг., обнаружены монеты, отчеканенные в Дамаске в 699–700 гг.

Следы присутствия варягов найдены и в городе Белоозеро. Речь, понятно, идет о первом городе с этим именем, находившемся недалеко от современно Белозерска, на правом берегу Шексны, рядом с деревней Киснема. Из Белоозера варяги проходили на Волгу и Каспий.

О масштабах походов варягов по Волге свидетельствует большое число арабских монет, найденных в Скандинавии. Всего найдено свыше 85 тысяч (!) арабских монет, датированных 800—1015 гг. Большую часть их нашли в Швеции, в особенности на острове Готланд.

Следы пребывания варягов часто находят на верхней Волге. Так, клад древних арабских монет (самая ранняя монета датирована 829 г.) был обнаружен в 1879 г. у Богоявленской горы близ Углича. А в ходе раскопок в 90-х годах XX века на территории угличского кремля было найдено захоронение X века с оружием, амулетами и другими предметами скандинавского происхождения.

У деревни Тимерево недалеко от Ярославля археологи обнаружили большое варяжское поселение площадью свыше пяти гектаров. Поселение это возникло в конце VIII века, а прекратило свое существование в самом начале XI века.

В многочисленных письменных источниках IX–XIII веков – византийских, арабских, скандинавских и западноевропейских – говорится исключительно об одном народе – руссах (русских). Ну а термины Малая и Великая Русь появились лишь в послемонгольский период, но они никоим образом не говорят о двух народах или даже двух народностях, а до XX века являлись чисто географическими терминами. Вспомним Малую и Великую Польшу, Малую и Великую Грецию. Там что, жили разные польские или греческие народы?

Была Русь Белая, была и Червонная. Так что, и «червоннорусский» народ существовал?

На каком же языке говорили на Руси в IX–XIII веках? Естественно, на украинском – отвечают нам самостийники. Правда, в вопросе, откуда взялся украинский язык, в кругах творческой интеллигенции единства нет. Как уже говорилось, одни считают, что это язык древнего племени укров, от которых и пошло название «украинец», другие утверждают, что это язык атлантов, третьи грешат на Венеру – не богиню, а планету, разумеется.

Ну ладно, на каком языке говорил Ной – вопрос спорный, пусть даже на украинской мове. Ну а русские люди в Киеве в IX–XIII веках были? Ведь остались же книги, берестяные грамоты, надписи на иконах, стенах храмов и другие «граффити». Увы, нигде нет намека на украинский язык. Все надписи сделаны на старославянском (древнерусском) языке.

До 1990 г. ни один серьезный ученый, в том числе и на Украине, не сомневался, что в Киеве, равно как и в Новгороде, говорили и писали на одном и том же языке. «Таким образом, на момент принятия христианства и широкого развития культуры язык восточных славян отличался фонетическим, грамматическим и лексическим единством на огромной территории его распространения... Следовательно, язык Киевской Руси

XI–XII ст. можно изучать по многочисленным письменным документам. Они в определенной степени отражали живой язык русского населения того времени»³. «Древнерусский

³ Русаковский В.М. Происхождение и развитие восточнославянских языков. Киев, 1980. С. 14–23.

язык далек от специфики современных украинских говоров, и нужно поэтому признать, что словарь последних во всем существенном, что отличает его от великорусских говоров, образовался в позднейшее время»⁴.

А вот цитата другого украинского ученого: «В связи с формированием древнерусской народности, складывался и общий по своему происхождению, характеру живой язык этой народности, который на разных славянских землях имел местную окраску, диалектные отличия. Древнерусский литературный язык развивался на общенародной восточнославянской языковой основе»⁵.

«Существование церковно-славянского и древнерусского языков ни у кого сомнений не вызывает, так как сохранилось достаточно много древних текстов, написанных на этих языках. В то же время науке неизвестен ни один достоверно древний, подлинный документ на украинском языке. Украинские филологи вынуждены объяснять этот крайне неудобный для них факт тем, что в те времена будто бы считалось неприличным и разговаривать и писать на одном и том же языке, поэтому люди между собой разговаривали на украинском языке, а когда брали в руки перо, то те же самые мысли записывали на том или ином письменном языке – церковнославянском или древнерусском (видимо, в зависимости от настроения).

В таком случае возникает вполне законный вопрос: если украинский язык не зафиксирован ни в одном древнем документе, то как же украинские филологи догадались о его существовании?

Для доказательства того, что наши далекие предки – жители Киевской Руси разговаривали на украинском языке, была придумана весьма оригинальная теория, которую я назвал бы "Теорией описок и ошибок", или "Теорией рассеянных писарей". Ее смысл заключается в том, что будто бы древние писари, которые писали и переписывали книги и прочие тексты, абсолютно случайно, нечаянно, невольно, вследствие своей невнимательности и рассеянности иногда допускали описки и ошибки, и вместо тех слов, которые им диктовали, или которые были в переписываемых оригиналах, употребляли совсем иные, хотя и одинаковые по смыслу слова. Делали они так будто бы потому, что в повседневной жизни привыкли разговаривать на украинском языке и поэтому при рассеивании внимания случайно вписывали "украинизмы". Вот эти-то вкравшиеся "украинизмы", по твердому убеждению наших филологов, будто бы неопровержимо доказывают подспудное существование устного простонародного украинского языка. Вот такая очень убедительная теория!»⁶.

Вот, к примеру, профессор «гуманитарного» института с длинным названием Василь Яременко Яременко «утверждает, что в "Повести временных лет", созданной в XI – начале XII ст. "...украинская лексика льется сплошным потоком" (с. 493). И в качестве примера приводит вот такие слова: жыто, сочэвиця, посаг, вабыты, пэчэра, вэжа, голубнык, стриха, рилля, мыто, пэрэкладаты, вино...

А теперь, в полном соответствии с изложенной здесь версией о формировании украинского языка в XV–XVII веках как следствия полонизации славянорусского языка, открываем польский словарь и читаем: *zyto* (рожь), *soczewica* (чечевица), *posag* (приданое), *wabić* (манить, привлекать), *pieczora* (пещера), *wieza* (башня), *gołębnik* (голубятня), *strych* (чердак), *rola* (пашня), *myto* (плата, пошлина), *przekładać* (переводить), *wiano* (приданое)... Неужели кому-нибудь все еще не ясно, откуда появились в нашем языке все эти "украинизмы"?»⁷.

Всеми русскими землями до середины XIV века безраздельно правила династия Рюриковичей. Обратим внимание, что у Рюриковичей до XV века преобладала горизонтальная

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Гуслистый К.Г. К вопросу о формировании украинской нации. Киев, 1967. С. 6.

⁶ Железный А.И. Происхождение русско-украинского двуязычия на Украине. Киев: Киевская Русь, 1999. С. 33–34.

⁷ Там же. С. 39.

система наследования власти, при которой престол переходил не от отца к старшему сыну, а от старшего брата к следующему по старшинству брату. Представим себе, что в Киеве правил старший брат Иван, в Смоленске – средний брат Петр, а в Вязьме – младший брат Федор. Умирает Иван, и его стол в Киеве занимает не старший сын Александр, а средний брат Петр. На место Петра в Смоленск едет младший брат Федор, а на место Федора в Вязьму спешит старший сын покойного Ивана Александр.

Такая система наследования имела много преимуществ по сравнению с вертикальной. Так, многие князья умирали в молодом возрасте, и сын-подросток, а то и младенец, не мог самостоятельно править княжеством. Естественно, что средний брат – опытный воин и политик – был лучшим правителем княжества.

Смена князей не всегда происходила в связи с их смертью. Довольно часто князей сгоняли со «столов» собратья-Рюриковичи или даже городское вече. Понятно, что такие эксцессы увеличивали «миграцию» князей.

Вот я наобум раскрываю 670-страничный «гроссбух» «Князь Рюрик и его потомки»⁸. Натыкаюсь на князя Ростислава Мстиславича (около 1110–1167).

«В 1125 г. он стал смоленским князем, с 1153 г. – князем новгородским, с 1154 г. Ростислав – великий князь в Киеве, откуда в 1155 г. он был выбит князем Изяславом Давидовичем и бежал в Смоленск. С 1157 г. Ростислав вновь княжил в Новгороде, с 1159 г. он опять на великом княжении в Киеве, в 1161 г. выбит из Киева и бежал в Белгород. В 1161 г. Ростислав в третий раз занял киевский престол и на сей раз пожизненно».

И пример сей не единичный. Хотите еще? Пожалуйста! Вот князь Владимир Святославович, сын Святослава Всеволодовича, был князем Новгородским, Черниговским, а затем Переяславским. В Переяславле он и помер в 1201 г.

Глеб Святославич – князь Новгородский, князь Тмутараканьский, умер в Чернигове в 1078 г.

Давид Святославич, сын Святослава Ярославича – князь Смоленский, князь Новгородский, князь Черниговский. Умер в Чернигове в 1123 г.

Мстислав Мстиславич Удалой – князь Новгородский, Галицкий, Торопецкий. Умер в Торжке в 1228 г.

Хвати? А то могу еще десятка четыре князей подыскать!

Надо ли говорить, что князья Рюриковичи не были похожи на чиновную номенклатуру XXI века, которую кремлевский хозяин постоянно тасует по регионам и которая очень часто даже не берет с собой семей, отправляясь из Нижнего Новгорода, скажем, в Хабаровск. Князья переходили на новый стол обязательно с дружиной и административным аппаратом (боярами, тиунами и т. д.), а те в свою очередь тоже брали семьи, слуг и др.

Таким образом, по территории Руси (то есть по территориям современных Российской Федерации, Белоруссии, Украины и Прибалтики) в X–XIV веках почти ежегодно перемещались из одного города в другой тысячи людей. Такая ротация автоматически способствовала развитию языкового, культурного и, как ни странно, политического единства Руси. Пусть один князь Рюрикович уходил, но на его место приходил его близкий или дальний родственник. Так эти князья русские, украинские или белорусские?

А вот Михайло Грушевский, которого сейчас в Киеве чтят непогрешимым патриархом от истории, повсеместно вещал об «украинских князьях» в домонгольском периоде!

В 1149 г. князь Юрий Долгорукий, сын Владимира Мономаха, без боя захватил Киев. Так, по мнению «незалежных» историков началась колониальная экспансия москалей на «вильну Украину».

⁸ Князь Рюрик и его потомки: Историко-генеалогический свод / В.М. Коган; В.И. Домбровский-Шалагин. СПб.: Паритет, 2004.

До этого вроде имели место разборки «древнеукраинских» князей, как их назвал профессор Михайло Грушевский. Но Юрий Долгорукий уже был москалем, благо, еще в 1147 г. он будто бы основал Москву, а, скорей всего, устроил в давно существовавшем городке грандиозную пьянку.

После смерти Юрия Долгорукого его сын Андрей Боголюбский оставил Киев и избрал своей резиденцией вновь построенный замок Боголюбово вблизи Владимира-на-Клязьме. А за киевский стол началась опять страшная драка. Князья менялись через каждые несколько месяцев.

Зимой 1168/69 г. князь Андрей Боголюбский отправил к Киеву рать во главе со своим сыном Мстиславом.

По сему поводу популярный украинский историк Олесь Бузина писал: «Історії для дітей шкільного віку» есть очаровательная картинка «Москалі руйнують Київ». На ней бородатые гоблины в островерхих шлемах живописно режут, хватают за патлы и насилуют несчастных киевлян. Сердце кровью обливается.

Но, почитав текст под картинкой, начинаешь искренне хохотать – оказывается, что "руйнують" они в 1169 году, когда никаких "москалей" еще в природе не существовало, а сама Москва едва прописалась на страницах истории. Ее и упоминают-то впервые в летописи всего двадцатью двумя годами ранее как крошечный городишко суздальского князя Юрия Долгорукого. По значению это было что-то вроде нынешнего райцентра. Поэтому писать, что в 1169 году "москалі руйнують Київ" – то же самое, что предположить, что для столицы нынешней Украины представляет опасность банда свинокрадов из Кобеляк»⁹.

Думаю, что уже и так ясно, что профессиональные дружины князей в домонгольский период состояли из уроженцев всех регионов Руси, также как солдаты Советской армии, и они вместе шли в бой, дрались и умирали как в борьбе с врагом внешним – немцами, поляками, византийцами, половцами и др., так и в многочисленных княжеских усобицах. Князья Рюриковичи были русскими, их дружины – русскими и подданные в их княжества – тоже русскими.

Нечто подобное было и в первые 50–80 лет после монгольского нашествия.

Упадок Киева связан с резким уменьшением товарооборота на Днепровском участке «Пути из варяг в греки». С одной стороны, участились нападения половцев на купеческие караваны на Днепре. Но куда большим ударом для русских для торговли на Черном море стало падение Константинополя в 1204 г.

Нетрудно догадаться, что в 1204 г. подвергся полному разрушению и русский торговый квартал Св. Маммы. Главное же то, что в захвате Второго Рима решающую роль сыграла Венецианская республика. Венецианцы захватили огромную добычу в Византии и стали владеть рядом стратегически важных островов и крепостей, включая Дарданеллы. К этому времени уже три века венецианцы вели беспощадную войну на Средиземном море со своими конкурентами – арабами и генуэзцами. Надо ли говорить, что, проникнув в Черное море, венецианцы беспощадно топили или захватывали византийские и русские суда.

После падения Константинополя резко возросло значение Волжского торгового пути и, соответственно, Владимира, Твери, Нижнего Новгорода и других городов, лежавших на этом пути.

Батый в 1237–1240 гг. разрушил десятки русских городов. Однако множество русских городов татары обошли, а многие города, попросту заплатив дань, были пощажены захватчиками.

Зато торговля на Волге и Дону с 1242 по 1360 г. процветала. Золотоордынские ханы не только не притесняли русских купцов, но и всячески им покровительствовали.

⁹ Бузина О. Тайная история Украины-Руси. Киев: Довіра, 2007.

Во второй половине XIII века из Киева и Приднепровья наблюдается миграция населения на север и северо-восток. Уходили не только селяне, но и церковные иерархи, дворяне и бояре со своими дружинами.

Во время Батыева нашествия митрополитом на Руси был Иосиф, но после 1240 г. он совершенно исчезает из летописей, что дает историкам возможность предположить что либо он был убит татарами, либо бежал в неизвестном направлении.

Через несколько месяцев после исчезновения Иосифа князь Даниил Галицкий назначает митрополитом «некого Кирилла»¹⁰. Семь лет он остается «нареченным митрополитом». Лишь в 1247 г. Кирилл отправляется в Константинополь, где официально посвящается патриархом в митрополиты. Немного пожив в Киеве, Кирилл в 1250 г. отправляется во Владимир, где становится верным прислужником Александра Невского. Данные о поездках Кирилла в Орду отсутствуют, но он завязал хорошие отношения с ханами. При Кирилле православные попы начинают постоянно поминать в своих молитвах ордынских «царей». В свою очередь, за моральную поддержку и идею непротивления «батогу божьему» ханы позволяют Кириллу основать в 1261 г. в Сарае епархию. Первый епископом сарайским Кирилл назначил Митрофана.

В 1280 г. Кирилл скончался в Переяславле Залесском, но ради соблюдения приличий, как-никак, он был митрополитом киевским, его тело перевезли в Киев и погребли в соборе Святой Софии.

Преемника Кириллу, по всей вероятности, нашел сам константинопольский патриарх. В 1283 г. в Киев из Константинополя прибыл новый митрополит Максим, грек по национальности. Через несколько недель Максим покидает митрополию и едет в... Орду для утверждения золотоордынским ханом. Туда-Менгу выдает ему ярлык, и вот Максим снова в Киеве.

В 1284 г. он собирает там всех русских епископов, а в следующем, 1285 году совершает инспекционную поездку на север – он приглядывается. И вот в 1299 г. Максим переселяется из Киева во Владимир. «Пришел с клиросом и совсем житьем своим, по выражению летописца; последний приводит и причину переселения: митрополит не хотел терпеть насилия от татар в Киеве; но трудно предположить, чтобы насилия татарские в это время именно усилились против прежнего»¹¹.

Примером миграции боярства Малой Руси может служить отъезд в 1300 г. из Киева в Москву боярина Родиона, сына Галицкого боярина Нестора Рябца. Родион отправился на службу к князю Даниилу Александровичу не один, а с сыном Иваном Квашней и «1700 отроками».

Сразу оговорюсь: дату «1300 год» я поставил, поскольку она фигурирует во всех источниках, где упоминается боярин Родион. Однако эта дата никак не вяжется с последующими событиями.

Во-первых, сын Иван Квашня участвовал в Куликовской битве в 1380 г. и умер в 1390 г. Риторический вопрос, мог ли 90—100-летний старец участвовать в битве?

Ну а во-вторых, по приезде в Москву Родион вступил в местнический конфликт с боярином Акинфом, который ранее был боярином городецкого князя Андрея Александровича, а после смерти последнего вместе с другими боярами перебрался в Москву. Ну а Андрей Городецкий умер 27 июня 1304 г. в Городце. После его смерти единственным законным претендентом на Великое княжество Владимирское остался Михаил Тверской.

Примечателен факт, что большинство великокняжеских бояр, как было сказано в летописи, сразу после смерти Андрея Городецкого отправились в Тверь. Вряд ли это были бояре

¹⁰ Здесь и до конца абзаца в кавычках взяты выражения М.С. Грушевского (Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891).

¹¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959–1961. Книга II. С. 564.

из Городца, это были представители наиболее знатных фамилий, которые служили великому князю владимирскому независимо от того, каким княжеством он владел до занятия владимирского престола. И так, на Руси все знали, кому быть великим князем.

Однако московский князь Юрий Данилович (сам Даниил умер 4 марта 1303 г.) надеется захватить Владимирский престол. Приход Акинфа стал подарком московскому князю. Юрий делает его тысяцким и любимым боярином.

Но вот приезжает Родион, а Акинфа отодвигают на второй план. В результате Акинф отъезжает к великому князю владимирскому Михаилу в Тверь.

Естественно, что Михаил решил восстановить справедливость. К Переяславлю, незаконно захваченному московским князем Даниилом в конце 1302 г., было послано тверское войско под начальством боярина Акинфа. Город был осажден тверичами. Руководил защитой младший брат московского князя Иван, которому тогда было 21–23 года. После трех дней осады Иван пошел на вылазку и был разбит. Но в решающий момент с тыла на тверичей ударило свежее войско, которое привел из Москвы боярин Родион Несторович. Родион собственноручно убил Акинфа, насадил его голову на копье и поднес князю Ивану со словами: «Вот, господин, твоего изменника, а моего местника голова!» На что Иван ответил: «Яко толико ты дерзновенье и подвиг по мне показал, яко ни кто от моих воин».

С учетом вышесказанного оранжевые историки всерьез могут объявить, что конфликт Москвы и Твери был решен именно «украинским» полководцем Родионом и его «украинской дружиной».

Сын Родиона Иван Квашня, прозванный так за рыхлость тела, был после 1376 г.¹² назначен московским князем Дмитрием костромским воеводой, а в 1380 г. участвовал в Куликовской битве.

Третий сын Квашни, Василий Иванович Квашнин, за большой рост и вес был прозван Тушей. Соответственно, его потомки стали боярами и дворянами Тушиными. А подмосковное село Коробово стало Тушиным. Кроме Тушиных потомками Родиона Несторовича себя считали дворяне Квашнины и Самарины.

Помимо Родиона на службу в Москву, Тверь и Рязань с конца XIII века по конец XIV века отъехали многие десятки безудельных князей и бояр Малой Руси.

¹² После смерти костромского князя Василия Ярославича Квашни княжество было захвачено московским князем Дмитрием Ивановичем.

Глава 2

Явление русской Литвы

В XIV – начале XV века Малая и Белая Русь, а также изрядная часть Великой Руси – Торопецкое, Смоленское, Брянское и Верхоховенские (в верховьях реки Оки) княжества оказались в составе Великого княжества Литовского (ВКЛ).

Часть русских городов была покорена литовцами силой, а большая часть сама призвала литовских князей. Почему?

Ряд украинских и прибалтийских историков утверждают, что русские княжества добровольно переходили под власть великого князя литовского, чтобы избавиться от дани Орде. Увы, это не соответствует истине. Все земли, перешедшие от Рюриковичей к Гедиминовичам, продолжали платить дань Орде, по крайней мере, до конца XIV века. Причем великий князь литовский платил дань не за все свои земли, а только за русские княжества. Так, даже Михаил Грушевский признает, что в грамотах польских князей (Криатовичей и Свидригайла) начиная с 1375 г. имеется упоминание о дани, которую платили татарам – «дань у Татары», *Tributa Tartarorum*.

Грушевский цитирует ярлык хана Менгли Гирея, выданные великому князю литовскому Витовту: «Они (Тохтамыш) видели там большую ласку и честь и за это одарили великого князя Витовта прежде всего Киевом, а также и другими многочисленными землями. Потом великий князь литовский Казимир с литовскими князьями и знатью просил нас, и мы подтвердили ему то (пропуск), что дали великий царь дед наш и отец наш, а это: Киевскую "тьму" (землю) со всеми уходами, данями, землями и водами», и далее «со всеми уходами и данями, землями и водами тьмы Владимирскую (Волинскую) Большого Луцка, Каме-нецкую, Брацлавскую, Сокальскую, Черниговскую, Курскую, тьму Сараевого сына Егалтая (Яголдая Сараевича), города Звенигород (современная Звенигородка в Черкасской области), Черкасы, Хачибеев (современная Одесса), Маяк (современное с. Маяки в устье Днепра), земли (на левом берегу Днепра) начиная с Киева по Днепру до устья: Степород и Глинск со всеми их людьми, Жолвяж, Тупивль, Бирин, Синеч, Хотен, Лосичи, Хотмышль, Рыльск, Мужеч, Оскол, Стародуб, Брянск, Мценск, Любутеск, Тулу, Берестье и Ратно, Козельск, Пронск, Волконоск, Испас, Донец, Ябу-городок и Балаклы (нынче – городища на Южном Буге), Карасун, Дашов (современный Очаков), городище Тушин, Немир, Мушач, Ходоров»¹³.

То же самое касалось и польских королей. Так, после захвата в 1352 г. Галиции король Казимир III обязался платить дань татарам в полном объеме за ту часть русской земли, которую он захватил, то есть за Галицию. Об этом узнали прусские рыцари и тут же донесли папе Иннокентию VI. Тот в 1357 г. в булле к польскому королю Казимиру упрекал его в том, что с отнятых у схизматиков земель Казимир уплачивает дань «татарскому королю».

Так что идея спасения от татарской дани, а тем более от набегов более чем несостоятельна.

А вот реальной причиной призыва литовских князей является отказ владими-ро-суздальских князей от Малой Руси.

В 1243 г. хан Батый дал ярлык на Киевское княжество великому князю владимирскому Ярославу Всеволодовичу. Но тот в Киев не поехал, а якобы поставил там своего наместника – тысяцкого Дмитра Ейновича. Почему я пишу «якобы»? Ну, во-первых, личность этого Дмитра не ясна. Возможно, это был тот самый воевода, оборонявший Киев. Позже он сопро-

¹³ Грушевский М.С. История Украины-Руси. Киев: Наукова думка, 1993. Т. 4. С. 86–87.

вождал армию Бату-хана в походе в Центральную Европу. Во-вторых, нет никаких конкретных документов об управлении владимирским князем Киевом.

После смерти князя Ярослава Всеволодовича в далеком Каракоруме состоялась раздача ярлыков. Младший сын Ярослава Андрей получил ярлык на Владимир, а старший Александр – на Киев. Предположительно и Невский до 1263 г. поставил в Киеве своего наместника. Затем до 1271 г. ярлык на Киев имел его младший брат Ярослав Ярославич, который традиционно не появлялся в Киеве. Забегая вперед, скажу, что и позже татарские ханы выдавали ярлыки на Киев великим князьям владимирским. Так, владельцем такого ярлыка был даже Иван Калита.

Ряд историков считают, что сразу после Батыевой рати Киев, также как и Канев, и другие города, управлялся вечно и какими-то самозванными персонажами – не Рюриковичами, а атаманами. Так, Плано Карпини пишет, что в Каневе управлял какой-то Михай. А в своей грамоте рязанский князь Олег Ингорович упоминает о «владельце Черниговском Иване Шапке» (около 1250 г.).

«То, что Киев в этот период являлся автономной самоуправляющейся городской общиной, косвенно подтверждается также рядом фактов из истории церкви. Так, в описании общерусского церковного собора 1273 г., проходившего в Киеве, князь не упоминается, хотя он должен был обязательно находиться на столь знаменательном собрании, принявшем правки к "Кормчей книге", по которой еще долго строилось управление церковными организациями всей Руси. Не упоминается он и на похоронах видного церковного деятеля того времени, митрополита Кирилла, погребенного в 1282 г. в Софии, хотя летописец и отмечает, что "тамо (в Софийском соборе) паки певшее на немъ и служившее вси епископи Руссии со всем священнымъ съборомъ"»¹⁴.

В то страшное время жить без мудрого князя и его сильной дружины русским городам было несподручно. Вот они и обращались за защитой к храбрым Гедиминовичам.

Кстати, подобное происходило не только на территории Малой и Белой Руси. Так, например, удельный литовский князь Довмонт (Домантас) в 1265 г. поссорился с литовским князем Воишелком и предложил свои услуги псковичам. Вместе с ним в Псков прибыли 300 литовских дружинников.

В данном случае это были в основном этнические литовцы-язычники, да и сам Довмонт был таковым.

Сразу по прибытии в Псков Довмонт принял крещение в соборной церкви Святой Троицы и получил православное имя Тимофей. Псковские мужи почесали в затылках, да и выбрали Довмонта-Тимофея князем. Замечу, что статус князя в Пскове был аналогичен статусу князя в Новгороде. Так, князь не мог жить в кремле, и тот же Довмонт построил себе и дружине Довмонтово городище.

В 1266 г. Довмонт с небольшой ратью, всего 360 всадников, совершил поход против литовского князя Герденя, правившего в Полоцке. Сам Гердень отсутствовал, но его княжество подверглось разгрому, Полоцк взят, а княгиня и дети пленены. Кстати, жена Герденя оказалась родной теткой Довмонта. После набега Довмонт двинулся домой. Далее я процитирую сказание о Довмонте: «Перейдя вброд через Двину, отошел на пять верст и поставил шатры в бору чистом, а на реке Двине оставил двух стражей – Давыда Якуновича, внука Жаврова, с Лувою Литовником. Два же девяносто воинов он отправил с добычей, а с одним девяносто остался, ожидая погони.

В то время Гридень и князья его были в отъезде, когда же приехали они домой, то увидели, что дома их и земли разорены. Ополчились тогда Гридень, и Гойторт, и Люмби, и Югайло, и другие князья, с семью сотнями воинов погнались вслед за Довмонтом, желая

¹⁴ Климковский С.И. Замковая гора в Киеве: пять тысяч лет истории. Киев: Стилов, 2005. С. 58.

схватить его и любой смерти предать, а мужей-псковичей мечами посечь; и, перейдя вброд реку Двину, встали они на берегу. Стражи, увидев войско великое, прискакали и сообщили Довмонту, что рать литовская перешла Двину. Довмонт же сказал Давыду и Луве: "Помоги вам бог и святая Троица за то, что устерегли войско великое, ступайте отсюда". И ответили Давыд и Лува: "Не уйдем отсюда, хотим умереть со славой и кровь свою пролить с мужами-псковичами за святую Троицу и за все церкви святые. А ты, господин и князь, выступай быстрее с мужами-псковичами против поганных литовцев". Довмонт же сказал псковичам: «Братья мужи-псковичи! Кто стар – тот отец мне, кто млад – тот брат. Слышал я о мужестве вашем во всех странах, сейчас же, братья, нам предстоит жизнь или смерть. Братья мужи-псковичи, постоим за святую Троицу и за святые церкви, за свое отечество!

Довмонт принес в церковь свой меч и положил на престол, он молился со слезами, принимал благословение духовного отца своего и его рукой надевал свой меч. По утверждению уроженцев города Пскова, это был тот самый меч с надписью: "Nonorum meum nebus davo", то есть "Чести моей никому не отдам", который впоследствии лежал на гробнице князя Довмонта и своей величиной и тяжестью свидетельствовал о росте и силе святого князя.

Выехал князь Довмонт с мужами-псковичами и божиею силою и помощью святого Христова мученика Леонтия с одним девяносто семьсот врагов побил. В этой битве был убит великий литовский князь Гойторт, и иных князей многих убили, многие литовцы в Двине утонули, а семьдесят из них выбросила река на остров Гоидов, а иные на другие острова были выброшены, некоторые же вниз по Двине поплыли. Из псковичей же тогда был убит один Антон, Лочков сын, брат Смолигов, а другие остались невредимыми»¹⁵.

Видимо, в сказании есть преувеличения, особенно в числе воинов Герденя. Но, судя по всему, Довмонт внезапно атаковал переправлявшегося вброд противника. У литовцев началась паника, и они потеряли место брода.

Узнав о том, что псковичи самовольно взяли князя литовца, великий князь владимирский Ярослав Ярославич (младший брат Невского) решил было пойти войной на Псков. Но «мужи новгородские» популярно пояснили ему, что за персонаж Довмонт и чем сей поход может обернуться. Поэтому дело кончилось как в хорошей сказке – свадьбой. Довмонт с подачи великого князя владимирского женился на княжне Марии Дмитриевне, внучке Александра Невского.

В 1268 г. новгородцы и псковичи решили проучить нахальных датчан, которые еще 30–40 лет назад (в 1219–1230 гг.) захватили северную часть Эстляндии и, разрушив русский город Колывань, построили свой город Ревель. Чухонцы так и называли его Таллинн, что в переводе означает «датский город».

В походе псковскую рать, естественно, вел Довмонт, а новгородские и низовые полки – князь Юрий Андреевич¹⁶. Кроме того, в походе участвовали сыновья великого князя владимирского Ярослава Ярославича Святослав и Михаил, а также его племянник Дмитрий Александрович.

Объединенное войско двинулось на город-крепость Раковор¹⁷, находившийся на севере Эстляндии, посередине между Нарвой и Ревелем. В одном месте русские нашли огромную пещеру с маленьким входом, где спряталось несколько сот чухонцев (чуди). Три дня полки стояли и не могли добраться до чуди, пока один новгородский мастер по имени Тобал, состоявший при осадных машинах, не провел канал ко входу в пещеру и не затопил ее водой. Вся чудь была перебита.

¹⁵ Воинские повести древней Руси / Составитель Н.В. Поньрко. Ленинград: Лениздат, 1985. С. 141–142.

¹⁶ Князь Юрий Андреевич, сын Андрея Ярославича, племянник Александра Невского, был в то время служилым новгородским князем.

¹⁷ Раковор – по-немецки Везенберг, по-чухонски Раквере.

Стремясь заманить православное воинство в ловушку, немецкие епископы и рыцари поклялись на кресте не участвовать в войне на стороне датчан. Псковская летопись так говорит об этом: «Прислаша немцы послы свои с лестью глаголюще: "Мы с вами мирны, перемагайтесь с колыванцы и с раковорци, а мы им не помогаем и в том крест целуем". И на том крест целоваше пискупи и Божии дворяне».

Но когда русские 18 февраля 1268 г. подошли к Раковору, то с изумлением увидели, что их ждали нарушившие клятву тевтонские рыцари и их союзники. Немецкие рыцари пошли в атаку «железной свиньей». «Рыло свиньи» уперлось в новгородскую рать. Новгородцы понесли страшные потери, были убиты посадник Михаил, тысяцкий Кондрат, новгородские бояре Твердислав Чермный, Никифор Радятинин, Твердислав Мосеевич и др. У немцев погиб епископ Александр и много рыцарей.

Однако на правом фланге псковичи, ведомые Довмонтом, разогнали противостоящих им немцев, датчан и чудь и нанесли удар по «свинье» с фланга. Немцы бежали, и русские гнали их 7 верст.

Но перед самыми сумерками какой-то свежий отряд немцев атаковал новгородский обоз. Русские князья хотели их контратаковать, но не решились вести ночной бой, чтобы не перебить своих. А наутро немцев уже и след простыл.

Однако двигаться в погоню большое русское войско не решилось из-за огромных потерь. Три дня войска стояли «на костях», а на четвертый повернули обратно. Лишь Довмонт с псковичами пошел гулять по Эстляндии. Часть немцев и чудь отступали водным путем по Чудскому и Псковскому озерам и реке Великой. За ними с малой дружиной на пяти насадах¹⁸ и гонялся Довмонт, «божьей силою восемьсот немцев победил на реке Мироповне, а два их насада скрылись на островах. Боголюбивый князь Довмонт, подъехав, зажег остров и пожег их в траве, — одни побежали, и волосы их горели, а других Довмонт посека, а третьи потонули в воде помощью святой Троицы, и славного великого воина Георгия»¹⁹.

Летом 1272 г. войско Тевтонского ордена во главе с магистром захватило Изборск и осадило Псков. Ливонская рифмованная хроника сообщает, что в походе участвовало 180 братьев-рыцарей, 18 тысяч ополченцев и 9 тысяч корабельщиков.

Как гласит «Сказание о Довмонте»: «Услышав о том, что ополчилось на него множество сильных врагов без ума и без бога, Довмонт вошел в церковь святой Троицы и, положив меч свой перед алтарем господним, пал на колени, молясь со слезами, говоря так: "Господи боже сил, мы, люди твои и овцы пажити своей, имя твое призываем, смилуйся над кроткими, и смиренных возвысь, и надменные мысли гордых смири, да не опустеет пажить овец твоих". И взял игумен Сидор и все священники меч и, препоясав Довмонта мечом и благословив его, отпустили. Довмонт в ярости мужества своего, не дождавшись полков новгородских, с малою дружиною мужей-псковичей выехав, божьей силою победил и побил полки врагов, самого же магистра ранил в лицо. Те же, положив трупы убитых во многие учаны, повезли их в землю свою, а оставшиеся в живых обратились в бегство»²⁰.

В июне 1272 г. между Псковом и Орденом был заключен мирный договор, но Довмонту, по свидетельству летописи, вскоре пришлось отражать новые набеги крестоносцев: «И паки поганая латина начала силу деяти на псковичах нападением». В Житии святого Довмонта говорится: «Вскоре же вновь язычники-латине стали нападать на села, насилием, принуждением и всякими злыми делами пытаясь, словно звери дикие, разогнать и ввергнуть в горе овец Божиих, искупленных драгоценной Его Кровью. Они же, потерпев такое от язычников, к городу Пскову приходят и о нападении злых змей с плачем возвещают. Христоролюбивый же

¹⁸ Насад — небольшое гребное судно с одной мачтой и прямым парусом.

¹⁹ Воинские повести древней Руси. С. 143.

²⁰ Там же. С. 143–144.

князь Тимофей, это услышав, не потерпел обиды от язычников, но стремительно собрался против них, взял войско свое и вышел на язычников с яростью величайшей».

Довмонт стал единственным литовским князем, вошедшим в пантеон православных святых, но факт его приглашения на княжение псковичами был не экстраординарным, а типичным явлением в Северной и Северо-Восточной Руси.

Так, в начале 20-х годов XIV века в Пскове княжил литовец Давид. Особо хорошего или плохого он городу не сделал, и Псковская летопись упоминает о его княжении вскользь, без комментариев.

А сколько литовских князей служили Господину Великому Новгороду? В историю московский князь Иван Калита вошел как «собиратель земель русских». Ну а все окрестные регионы знали его как рэкетира, бравшего не по чину. Так, в начале 30-х годов XIV века потребовал он у Господина Великого Новгорода непомерную сумму. Ну, как тут обойтись без литовского князя?

Запись за 1333 год из Новгородской летописи: «Сем же лете вьложи Бог в сердце князю Литовьскому Наримонту, нареченному в крещении Глебу, сыну великого князя Литовьскаго Гедимина, и присла в Новьгород, хотя поклонитися святеи Софеи; и послаша новгородци по него Григорью и Олександра, и позваша его к себе; и прииха в Новьгород, хотя поклонитися, месяца октября; и прияша его с честью, и целова крест к Велиокму Новуграду за один человек; и Даша ему Ладогу, и Ореховьи, и Корельскыи, и Корельскую землю, и половину Копорья в отчину и в дедину, и его детем»²¹.

И вот уже в следующем году Калита утихомирился и заключил мир с Господином Великим Новгородом. Любопытно, что позже Наримант женился на дочери Ивана Калиты.

Сын Нариманта, православный князь Патрикий Наримантович дважды, в 1383 г. и 1386 г., становился новгородским князем. В 1383 г. он защищал Господин Великий Новгород от Дмитрия Донского. А в 1386 г. он командовал новгородским войском, вышедшим против нового рэкетира – великого князя московского Василия I.

В 1387 г. Патрикий умер, и новгородцы пригласили к себе нового князя – сына великого князя литовского Ольгерда и тверской княжны Ульяны Александровны – Лугвеня, православное имя которого было Симеон.

В 1390 г. «ходиша новгородцы со князем Семеном Олгердовичем на Псков ратью». В 1392 г. «приходиша Немцы разбоем в Новгородцкия власти, и внидоша в Несу и взяша власти и села по обе стороны реки за три версты от городка Орешка. И князь Семен, сорався з городчяны, погна вслед их, иных изби, а иных приведе во град, а инии утекоша. И поиде князь Семен в Литву, а град остави».

Почему уехал Семен-Лугвень – не ясно. Но позже Республика взяла на службу сразу двух князей: русского Константина Ивановича Белозерского и литовского Романа Федоровича, внука Ольгерда²².

В 1432 г. новгородцы пригласили княжить сына Лугвеня Юрия Симеоновича (Лугвенева).

Позже служилыми князьями в Господине Великом Новгороде были Александр Васильевич Чарторыйский (1447–1455) и Михаил Олелькович Киевский (1471).

Разумеется, все эти князья прибывали в Господин Великий Новгород не одни, а с дружинами. И если Довмонтова дружина состояла из этнических литовцев, то дружины последующих православных литовских князей были чисто русскими. При этом процент малорос-

²¹ Цит. по: Янин В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М.: Издательство Московского университета, 1998. С. 90.

²² В 1404 г. Роман Федорович получил во владение город Кобрин и стал родоначальником князей Кобринских.

сов по сравнению с выходцами из Белой Руси постепенно увеличивался, и войско Михаила Олельковича состояло в основном из малороссов.

Вообще говоря, Великое княжество Литовское было фактически русским государством. Свыше 90 % его жителей составляли православные русские люди. Князья и бояре все были православными и имели наряду с литовскими и православные имена. Другой вопрос, что многие из них были двоеверцами, то есть православными и язычниками одновременно, в зависимости от ситуации. Ну а иной раз и троеверцами. Так, великий князь литовский Ягайло, крещенный в православную веру под именем Яков, 18 февраля 1386 г. в третий раз сменил веру и стал католиком Владиславом. Вместе с Ягайло (Владиславом) отреклись от православия и приняли католицизм его братья: Скиргайло (Иоанн) стал Казимиром, Коригойло (Константин) тоже стал Казимиром, Свидригайло (Лев) стал Болеславом, Минигайло (Василий) – Александром. Католическую веру принял и Витовт (Александр), двоюродный брат Ягайло. Кстати, Витовт крестился пять (!) раз, то по православному обряду, то по католическому. Ну а в перерывах князь возвращался к отеческим богам.

Все литовские князья отлично говорили по-русски, тем более что около половины их были женаты на дочерях князей Рюриковичей.

Этнические литовцы до XVII века не имели собственной письменности, и вся деловая переписка внутри страны велась на русском языке кириллицей, и лишь часть внешней переписки – на латинском языке.

По сему поводу историки XIX века шутили в Малой и Белой Руси: «Победила не Литва, а ее название».

Несколько литовских князей участвовали со своими дружинами в битве на Куликовом поле на стороне Дмитрия Донского. Естественно, что вместе с ними дрались и их дружины, в которых преобладали малороссы и практически отсутствовали этнические литовцы.

Современные украинские историки²³ утверждают, что выходец с Волыни «Дмитрий Боброк-Волынский сыграл важнейшую роль в разгроме Мамаю». И в этом, замечу, они недалеки от истины. Поэтому о Дмитрии Михайловиче стоит рассказать отдельно.

Начну с того, что точных сведений о его происхождении нет. Доподлинно известно только, что он родился на Волыни. В 1365 г. Дмитрий Михайлович в Успенском соборе Владимира-Волынского венчался с Анной, сестрой своего тезки великого князя московского. Через два года Дмитрий Михайлович переезжает в Москву. В 1371 г. он разбил войска рязанского князя Олега при Скорнищеве, чем вынудил его временно оставить престол. В 1376 г. участвовал в успешном походе на Волжскую Булгарию вместе с князем Дмитрием Константиновичем.

По данным татарского профессора Зуфара Мифтахова, Дмитрий Михайлович получил прозвище Боброк (Бобрик) именно в этом походе. После размена пленных жена освобожденного знатного татарина Гусмана подарила Дмитрию Михайловичу красивую бобровую шубу. По другой версии, прозвище связано с рекой Боброк, протекающей недалеко от Галича.

В 1379 г. воевода Боброк вместе с князьями Владимиром Андреевичем и Андреем Ольгердовичем воевал с Великим княжеством Литовским. Были взяты города Трубчевск и Стародуб.

Замечу, что кроме Боброк-Волынского в Куликовской битве участвовали два сына великого князя литовского Ольгерда – князь трубчевский Андрей и князь северский Дмитрий, причем не одни, а привели с собой «кованую рать».

В «Задонщине» о деяниях братьев говорится:

²³ В т. ч. *Мирошниченко Ю.Р., Удовик С.Л.* Русь-Украина. Становление государственности. Киев: Ваклер, 2011. Т. I. С. 216.

«Те ведь – сыновья Литвы храбрые, кречеты в ратное время и полководцы прославленные, под звуки труб их пеленали, под шлемами лелеяли, с конца копья они вскормлены, с острого меча вспоены в Литовской земле.

Молвит Андрей Ольгердович своему брату: "Брат Дмитрий, два брата мы с тобой, сыновья Ольгердовы, а внуки мы Гедиминовы, а правнуки мы Сколомендовы. Соберем, брат, любимых панов удалой Литвы, храбрых удальцов, и сами сядем на своих борзых коней и погладим на быстрый Дон, напьемся из него шлемом воды, испытаем мечи свои литовские о шлемы татарские, а сулицы немецкие о кольчуги басурманские!"

И сказал ему Дмитрий: "Брат Андрей, не пощадим жизни своей за землю за Русскую и за веру христианскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича! Уже ведь, брат, стук стучит и гром гремит в белокаменной Москве. То ведь, брат, не стук стучит, не гром гремит, то стучит могучая рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удальцы русские золочеными доспехами и червлеными щитами. Седлай, брат Андрей, своих борзых коней, а мои уже готовы – раньше твоих оседланы. Выедем, брат, в чистое поле и сделаем смотр своим полкам, – сколько, брат, с нами храбрых литовцев. А храбрых литовцев с нами семьдесят тысяч латников>". Ну, «Задонщина» – это всего лишь красивая сказка, и у обоих братьев было от силы 7 тысяч дружинников. Но тем не менее...

Замечу, что белорусские историки считают братьев Ольгердовичей и их дружины белорусами, а украинские историки, соответственно, украинцами. На мой взгляд, большинство дружинников братьев были уроженцами земель, в настоящее время входящих в состав Республики Украина. Другой вопрос, что в 1380 г. в Москве их считали литовцами, а в Вильно – русскими.

Братья Ольгердовичи со своими дружинами были в составе Передового полка. Любопытно, что уже упомянутый З.З. Мифтахов именует Андрея Астеем (Остеем).

Ну а позади Большого полка располагался Запасной полк. В его составе находилось 15 тысяч воинов под началом князей Федора и Мстислава Таруских и Андрея Константиновича Оболенского. Это был Черниговский полк.

И грянул бой... Историк В. Шавырин справедливо заметил: «Книгами, посвященными Куликовской битве, можно выложить все поле, на котором она произошла»²⁴. Однако «почти все написанное восходит к трем первоисточникам: краткой Летописной повести, поэтической "Задонщине" и риторическому "Сказанию о Мамаевом побоище"»²⁵.

Мифтахов вторит ему: «События на Куликовом поле и вокруг него обросли и продолжают обрастать продуктами мифотворчества и сакрального мировоззрения, подобно тому, как днища океанских кораблей обрастают кораллами»²⁶.

По версии нашего канонического историка С.М. Соловьева, «8 сентября, на солнечном восходе был густой туман, и когда в третьем часу просветлело, то русские полки строились уже за Доном, при устье Непрядвы. Часу в двенадцатом начали показываться татары; они спускались с холма на широкое поле Куликово; русские также сошли с холма, и сторожевые полки начали битву, какой еще никогда не бывало прежде на Руси: говорят, что кровь лилась, как вода, на пространстве десяти верст, лошади не могли ступать по трупам, ратники гибли под конскими копытами, задыхались от тесноты. Пешая русская рать уже лежала как скошенное сено, и татары начали одолевать. Но в засаде в лесу стояли еще свежие русские полки под начальством князя Владимира Андреевича и известного уже нам воеводы московского, Дмитрия Михайловича Волынского-Боброка. Владимир, видя поражение русских,

²⁴ Шавырин В. Неделемое поле // Родина, 1997, № 3–4. С. 94.

²⁵ Там же.

²⁶ Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). Казань: Казанский государственный педагогический университет, 2002. С. 258.

начал говорить Волынскому: "Долго ль нам здесь стоять, какая от нас польза? Смотри, уже все христианские полки мертвы лежат". Но Волынский отвечал, что еще нельзя выходить из засады, потому что ветер дует прямо в лицо русским. Но через несколько времени ветер переменился: "Теперь пора!" – сказал Волынский, и засадное ополчение бросилось на татар. Это появление свежих сил на стороне русских решило участь битвы: Мамай, стоявший на холме с пятью знатнейшими князьями и смотревший оттуда на сражение, увидел, что победа склонилась на сторону русских, и обратился в бегство; русские гнали татар до реки Мечи и овладели всем их станом.

Возвратившись с погони, князь Владимир Андреевич стал на костях и велел трубить в трубы: все оставшиеся в живых ратники собрались на эти звуки, но не было великого князя Дмитрия; Владимир стал расспрашивать: не видал ли кто его? Одни говорили, что видели его жестоко раненного, и потому должно искать его между трупами; другие, что видели, как он отбивался от четырех татар и бежал, но не знают, что после с ним случилось; один объявил, что видел, как великий князь, раненный, пешком возвращался с боя. Владимир Андреевич стал со слезами упрашивать, чтоб все искали великого князя, обещал богатые награды тому, кто найдет. Войско рассеялось по полю: нашли труп любимца Димитриева Михаила Андреевича Бренка, которого перед началом битвы великий князь поставил под свое черное знамя, велел надеть свои латы и шлем; остановились над трупом одного из князей белозерских, похожего на Дмитрия, наконец, двое ратников, уклонившись в сторону, нашли великого князя, едва дышащего, под ветвями недавно срубленного дерева. Получивши весть, что Дмитрий найден, Владимир Андреевич поскакал к нему и объявил о победе; Дмитрий с трудом пришел в себя, с трудом распознал, кто с ним говорит и о чем: панцирь его был весь избит, но на теле не было ни одной смертельной раны»²⁷.

Увы, на самом деле сейчас никто не знает, где конкретно произошла знаменитая Куликовская битва. Согласно «Полному географическому описанию нашего Отечества», изданному в 1902 г. под редакцией П.П. Семенова-Тян-Шанского, «Движение лесной стихии в степь происходило в нашей области от трех, так сказать, основных лесных масс: Брынской, Мещорской и Мордовской»²⁸.

Куликово поле представляло собой степную «поляну», протянувшуюся на 100 км по всему югу нынешней Тульской области с запада на восток (от верховья реки Снежедь до Дона) и на 20–25 км с севера на юг (от верховьев Упы до верховьев Зуши).

Любитель-турист спросит, а как же быть с памятником русским воинам, стоящим на Куликовом поле? Все очень просто.

Жил-был в начале XIX века дворянин С.Д. Нечаев – директор училищ Тульской губернии, тульский помещик, масон, декабрист, член «Союза благоденствия», близкий знакомый К.Ф. Рылеева и А.А. Бестужева. Как и все декабристы, он проявлял большой интерес к борьбе русского народа против Орды.

В июне 1820 г. тульский губернатор В.Ф. Васильев поставил вопрос о сооружении памятника, «знаменующего то место, на котором освобождена и прославлена Россия в 1380 году».

Надо ли говорить, что место битвы нашлось на земле богатого помещика С.Д. Нечаева²⁹.

На Куликовом поле, начиная с 20-х годов XIX века и по сей день, проводятся археологические раскопки. Но их результаты даже ориентировочно не дают возможности определить место битвы.

²⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. II. С. 286–287.

²⁸ Цит. по: Бычков А.А., Низовский А.Ю., Черносвитов П.Ю. Загадки древней Руси. М.: Вече, 2000. С. 358–359.

²⁹ Ему принадлежало село Куликовка и около 1400 гектаров в районе так называемого Куликова поля.

Следует заметить, что при отражении набегов крымских татар в течение всего XVI века в районе Куликова поля происходили десятки сражений и стычек русских и татар. Тем не менее на Куликовом поле (в его широком понимании) было найдено сравнительно немного оружия. Причем находки были почти равномерно распределены как территориально, так и хронологически – от XI до XVII века. (Не могут же чугунные ядра, свинцовые пули и даже кремневый пистолет относиться к 1380 году!) Самое же удивительное, что на Куликовом поле, и в узком, и в широком смысле, не было найдено групповых захоронений воинов.

Очень странна и роль Дмитрия Московского в Куликовской битве. В «Сказании о Мамаевом побоище» главная роль в сражении отводится не Дмитрию, а его двоюродному брату Владимиру Андреевичу Серпуховскому. Хуже другое – согласно всем трем источникам – Дмитрий отказался управлять войсками.

Дмитрий Донской якобы еще перед сражением «съялече с себя приволоку царскую» и возложил ее на любимого боярина Михаила Андреевича Бренка, которому передал также и своего коня. Великий князь также повелел свое красное («чермное») знамя «над ним (Бренком) возити»³⁰.

Так себя не вел ни один русский князь. Наоборот, авторитет князя в IX–XV веках на Руси был так велик, что часто ратники не хотели идти воевать без князя. Поэтому, если взрослого князя не было, в поход брали княжича. Так, трехлетнего князя Святослава Игоревича посадили на лошадь и велели метнуть маленькое копьё. Копьё упало у ног лошади, и это стало сигналом к началу битвы. Да что вспоминать X век, самого Митю в начале его княжения в 10–15 лет московские бояре неоднократно возили в походы.

Не было аналога поведению Дмитрия Донского и в Западной Европе. Ни один король, герцог или граф не переодевался простым ратником. По сему поводу профессор Казанского педагогического университета И.А. Гафаров писал: «С кем же князь менялся своим княжеским одеянием? Оказывается, им был боярин Михаил Андреевич Бренк, которого, как уверяют современники, он (Дмитрий Донской) любил, а между тем не пожалел подвергнуть опасности за себя самого, то есть просто послал на верную гибель. Дмитрий передел своего боярина великим князем с той целью, чтобы сохранить себя от преждевременной гибели и еще более от позорного плена, потому что татары, узнав великого князя по знамени и по приволоке (плащу), приложили бы все усилия, чтобы схватить его. Иного побуждения быть не могло (точно так же поступил и персонаж книги "Живые и мертвые" К. Симонова полковник Баранов, который, боясь попасть в плен, сжег свою гимнастерку, партбилет и переоделся в форму рядового бойца)»³¹.

И действительно, любой командир Красной армии, от лейтенанта до маршала, повторивший действия Дмитрия Донского, однозначно был бы расстрелян военным трибуналом или даже без суда и следствия.

Наконец, действия Дмитрия Донского технически сложны. «Легенда о переодевании Дмитрия Донского поражает своими несообразностями. Трудно поверить, чтобы князь мог отдать любимого коня кому бы то ни было. Боевой конь значил для воина слишком много, чтобы менять его за считанные минуты до сечи. Конь мог вынести седока с поля боя, либо погубить его. Великокняжеский доспех отличался особой прочностью и был отлично подогнан к его фигуре. Менять его также было бы делом безрассудным»³².

Полностью исключить возможность того, что Дмитрий Донской оказался под срубленным деревом, нельзя. Так, профессор З.З. Мифтахов пишет: «Когда великий князь Дмитрий

³⁰ Повести о Куликовской битве. М. – Л., 1959. С. 66, 72.

³¹ Гафаров И.А. От истоков к истине. Казань: Дом печати, 2002. С. 11.

³² Скрынников Р.Г. Куликовская битва. Проблемы изучения. Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины (материалы юбилейной научной конференции). М.: Издательство Московского университета, 1983. С. 68.

Иванович, ставший с самого начала битвы простым воином, "увидел гибель своего левого крыла, то в ужасе бросился скакать прочь со своими ближайшими боярами". Далее случилось непредвиденное. Дело в том, что великий князь и его сподвижники приблизились к лесу, где в засаде (поскыне) находился Засадный полк. Деревья, росшие на краю леса, "были подрублены для быстрого устройства завала в случае вражеского прорыва". Когда Дмитрий Иванович со своими ближайшими боярами стал въезжать в лес, "бывшие в засаде приняли его за татарина и свалили на него подрубленное дерево, но бек (князь) все же остался жив". После окончания боя его долго искали. Дмитрия Ивановича "нашли без сознания под срубленным деревом"»³³.

Однако куда более вероятно то, что великий князь решил вообще не участвовать в бою, а отсидеться где-нибудь подальше, чтобы в случае неудачи иметь больше шансов уйти целым и невредимым. Кстати, через два года он так и поступит: бросит Москву и убежит на север при приближении Тохтамышевой рати.

В битве погибло множество русских ратников: князь Федор Романович Белозерский и его сын Иван, князь Федор Тарусский, брат его Мстислав, князь Дмитрий Монастырев, двенадцать бояр, а также 20 знатных «литовских панов». Я не пишу число русских ратников, потому что цифры, приведенные нашими остепененными историками, отличаются в разы, а то и на порядок. Еще сложнее говорить о погибших уроженцах Малой Руси. Но в любом случае их число, по крайней мере, трехзначное.

Обратим внимание, ни в одном из древних источников ничего не говорится о пленных татарах. Обходят этот вопрос и историки XIX – XX веков. Такая великая битва, и без пленных? Может, в пылу битвы русские перебили пленных? Но о таком явлении летописцы обязательно написали бы. Да и во всех войнах до и после 1380 г. обе стороны если и убивали простых воинов, то уж обязательно старались взять в плен князей и воевод. Во-первых, это почет – взять в плен знатного врага, а во-вторых, главное – деньги, ведь за него можно получить огромный выкуп. А тут никаких пленных!

Могло быть только два варианта. Или татары на Куликовом поле не панически бежали с места боя, а отступали в относительном порядке, или пленные были отбиты рязанцами или литовцами, а позже отпущены за выкуп. Оба варианта не устраивали ни летописцев XIV–XV веков, ни историков XIX – XX веков, и они вопрос с пленными попросту опустили.

Любопытны и события после Куликовской битвы. Весной и летом 1381 г. шли стычки между московским и рязанским войсками. Однако достоверных данных о них до нас не дошло. Известно лишь, что 6 августа 1381 г. было подписано окончание великого князя Дмитрия Ивановича с великим князем рязанским Олегом Ивановичем.

В договоре говорилось и об инцидентах, произошедших после Куликовской битвы. «А что князь великий Дмитриий и брат, князь Володимер, билися на Дону с татары, от того веремени что грабеж или что поиманные у князя у великого людий у Дмитрия и у его брата, князя Володимера, тому межи нас суд вопчий, отдати то по исправе». В летописи не упоминается, о каких пленных идет речь: о московских ратниках, захваченных рязанцами, или о татарских, сменивших московский плен на рязанский. Я лично думаю, что речь идет о татарах. Зачем Олегу удерживать московских ратников, он вернул бы их так или за выкуп. А татары нужны ему для дипломатического торга или, как минимум, для большого выкупа.

Доподлинно же известно, что Олег Иванович все-таки ограбил людей Дмитрия Ивановича, возвращавшихся домой после Куликовской битвы. Причем в договоре не предусматривается безусловного возвращения полона. Решение этого вопроса откладывается до общего суда. Судя по тому, что вопрос о пресловутом донском полоне ставился и в последующих

³³ Мифтахов 3.3. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 272.

докончальных грамотах наследников Дмитрия Ивановича и Олега Ивановича, Рязань так ничего Москве и не вернула.

Узнав о захвате власти в Орде ханом Тохтамышем, Дмитрий Донской отправил послов с большой данью. Никаких разговоров о том, что можно дань не платить, в Москве не велось. Таким образом, если бы Мамай победил Тохтамыша, то ему не нужно было бы идти на Куликово поле, Дмитрий Иванович сам бы привез дань на блюде с голубой каемочкой.

В 1382 г. новый золотоордынский хан Тохтамыш начал готовить поход на Москву. В Орде нашлись «доброхоты», предупредившие Дмитрия Донского о походе Тохтамыша на Русь. Таким образом, Дмитрий имел достаточно времени для сбора войска, тем не менее великий князь поехал «собирать полки». Обратим внимание на его маршрут: Переяславль Залесский – Ростов – Кострома. По мнению одних историков, Дмитрий остановился в Костроме, другие же считают, что двинулся на север, к Вологде.

Пардон, это не тактический маневр, это бегство. Если бы князь думал о сопротивлении татарам, он мог либо отсидеться в Москве, либо стать с войском в 30—100 верстах от Москвы, к примеру, в Можайске, Волоколамске, Дмитрове и др. Если бы Тохтамыш осадил Москву, Дмитрий мог бы не допустить движения отдельных татарских отрядов на запад и на север, а главное, угрожал бы осаждающим, в любой момент мог прийти на помощь Москве, например, при штурме ее татарами. Зачем собирать войско в Костроме или в Вологде? Да пока эти рати дойдут до Москвы, татары десять раз успеют уйти в степи. При этом в летописях нет сведений о том, что хоть кого-то там собрал великий князь.

Вся родня Дмитрия разбежалась, как тараканы. Я серьезно говорю: двоюродный брат Владимир Андреевич убежал в Волоколамск, его жена и мать – в Торжок, Евдокия, жена Донского, с детьми побежала за мужем в Кострому. Дало деру и духовное сословие – Герасим, владыка Коломенский, убежал аж в Новгород, а митрополит Киприан оказался в Твери, за что позже на него взъялся великий князь.

«Город же все так же охвачен был смятением и мятежом, подобно морю, волнующемуся в бурю великую, и ниоткуда утешения не получал, но еще больших и сильнейших бед ожидал. И вот, когда все так происходило, приехал в город некий князь литовский, по имени Остей, внук Ольгерда. И тот ободрил людей, и мятеж в городе усмирил, и затворился с ними в осажденном граде со множеством народа, с теми горожанами, которые ostались, и с беженцами, собравшимися кто из волостей, кто из других городов и земель»³⁴.

Передовые татарские отряды подошли к Москве 23 августа 1382 г. Князь Остей с дружиной и горожанами успешно держал оборону города. Нетрудно предположить что значительная часть дружины Остея была уроженцами Малой Руси.

По некоторым данным, в ходе осады русские впервые применили пушки (тюфяки). Согласно летописи, татарам удалось обмануть русских. Сыновья суздальского князя Дмитрия Василий и Симеон, прибывшие вместе с татарами, пообещали прощение хана, если москвичи откроют ворота.

«И отворили ворота городские, и вышли со своим князем и с дарами многими к царю, также и архимандриты, игумены и попы с крестами, и за ними бояре и лучшие мужи, и потом народ и черные люди.

И тотчас начали татары сечь их всех подряд. Первым из них был убит князь Остей перед городом, а потом начали сечь попов и игуменов, хотя и были они в ризах, и с крестами, и черных людей...

Негде спасения обрести, и негде от смерти избавиться, и нигде от острия меча укрыться! Лишились всего и князь и воевода, и все войско их истребили, и оружия у них не

³⁴ Воинские повести древней Руси. С. 282.

осталось! Некоторые в церквах соборных каменных укрылись, но и там не спаслись, так как безбожные проломили двери церковные и людей мечами иссекли»³⁵.

Все русские и советские историки при изложении событий 1382 г. брали за основу «Повесть о нашествии Тохтамыша», ну и прибавляли понемногу отсебятины.

А вот профессор З.З. Мифтахов, опираясь на болгарские летописи, изложил совсем другую историю. С некоторым упрощением, дело было так. Тохтамыш подошел к Москве, но затем отошел, а осаждать город отправил болгарский отряд под началом князя Буртаса, сына погибшего на Куликовом поле Сардара Гарафа. (Мифтахов пишет о трех тысячах болгар при трех пушках с пушечных дел мастером Раилем.)

Князь Остей видел уход основной татарской рати и решил пойти на вылазку, чтобы уничтожить болгар. Из двух московских ворот вылетела тысяча литовских (украинских) всадников и четыре тысячи русских.

В ходе битвы князь Остей погиб, а литовцы и русские начали беспорядочный отход. В воротах началась давка. «Тем временем мастер "Раиль, подтащив пушки прямо ко рву, несколько раз выстрелил из них по бегущим в Москву обезумевшим толпам и по башне над воротами" ("Свод болгарских летописей". С. 220). После непродолжительного боя Буртас захватил ворота»³⁶.

Бой за ворота шел с переменным успехом. И в этот момент к стенам Москвы подошли основные силы Тохтамыша. Татары ворвались в город и учинили резню.

Я предоставляю читателю самому выбрать наиболее достоверную версию событий 23–26 августа 1382 г. Думаю, большинство по укоренившейся традиции предпочтет версию «Повести...». Но я, грешный, более склонен верить болгарской летописи. Дело в том, что и русские, и литовцы прекрасно знали обычаи татар. От них часто удавалось откупиться, но при этом ворота городов им не открывали.

Итак, у Остей была тысяча литовских всадников. Если среди них были этнические литовцы, то их можно было пересчитать по пальцам, а вот уроженцев Малой Руси, повторяю, было не меньше половины.

Ну а кто был сей Остей? В литовских родословных есть только один Остей – Александр, сын князя Андрея Ольгердовича. Тем не менее отечественные историки верят, что было два Остей. Один убит татарами в 1382 г., а второй был наместником князя Дмитрия Донского в Коломне и убит в 1385 г.

Если же руководствоваться арифметическими расчетами и здравым смыслом, то очевидно, что Остей был один – Александр Андреевич.

Скорей всего, профессор Мифтахов и болгарские летописи соответствуют действительности. Подвиг на поле Куликовом совершил не Андрей, а его сын Александр-Остей. А вот литовская дружина была его отца. Ну а, соответственно, авторы «Задонщины» и тем более фальсификаторы ее попросту все перепутали.

Ну а в 1382 г. лихой витязь Остей мог и пробиться сквозь ряды татар. Ну а далее стать воеводой в Коломне.

Ну а теперь перейдем к другой великой битве, где бок о бок сражались уроженцы Малой, Белой и Великой Руси.

Золотоордынский хан Тохтамыш возомнил себя великим полководцем и вступил в спор за город Тебриз со своим недавним покровителем Тимуром (Тамерланом).

18 июня 1391 г. на реке Кондурче состоялось генеральное сражение между армиями Тимура и Тохтамыша (сейчас на этом месте расположено Куйбышевское (Самарское) водохранилище). В войске Тохтамыша нашлись предатели, и хан Золотой Орды потерпел сокру-

³⁵ Воинские повести древней Руси. С. 284–285.

³⁶ Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа (1225–1552 гг.). С. 282–283.

шительное поражение. Однако по неясным причинам Тимур не стал переправляться на правый берег Волги.

15 апреля 1395 г. состоялось новое генеральное сражение, на сей раз в долине реки Терек. Тохтамыш был вновь разбит и бежал на север, преследуемый противником.

После того как Тимур выгнал Тохтамыша с Волги, в Орде начал распоряжаться старый хитрый мурза Едигей (Эдигей), ранее служивший у Тимура. Он и возвел на престол Чингизида Тимур-Кутлуя.

Хан Тохтамыш поначалу кочевал в причерноморских степях, но после поражения в 1398 г. от войска Тимур-Кутлуя Тохтамыш с тридцатитысячным войском бежит в Киев. Витовт с удовольствием принимает татар.

Замечу, что это не первый приход татарской орды на службу в Великое княжество Литовское и Польшу. Так, около 1300 г. в Польшу приходил со своей ордой Кара-Кисьяк, внук хана Ногая. Его татары получили земли в Краковском воеводстве. При великом князе Гедимине на службу приходило несколько тысяч татар. Из них Гедимин сформировал уланские полки («улан» происходит от тюркского слова «оглан» – сын хана). В 80-х годах XIV века в Литву уходит с ордой Мансур Кият, сын хана Мамаю, и т. д.

Теперь же Витовту были нужны не только воины. Чингизид Тохтамыш был очень влиятельной фигурой, и Витовт надеялся с его помощью продолжить свои завоевания на юго-востоке.

Тимур-Кутлуй не мог, конечно, спокойно смотреть на пребывание своего противника в качестве почетного гостя у литовского князя. Новый золотоордынский хан знал, что в Литве готовится против него заговор, который надо во что бы то ни стало парализовать. Поэтому уже в следующем, 1399 г. он отправляет послов к великому князю литовскому: «Выдай ми царя беглого, Тохтамыша, враг бо ми есть и не могу тръпети, слышав его жива суца и у тебя живуша... выдай ми его, а что около его ни есть, то тебе».

Летописец, говоря о планах Витовта, вкладывает великому князю в уста следующие слова: «Поидем пленити землю Татарскую, победим царя Темиръ Турлуя, возьмем царство его и разделим богатство и имение его, и посадим в Орде на царстве его царя Тахтамыша, и на Кафе, и на Озове, и на Крыму и на Азтаракани, и на Заяицкой Орде, и на всем Примории, и на Казани, и то будет все наше и царь наш».

То есть Витовт ставил своей задачей вернуть Тохтамышу не только Золотую Орду, но и Заяицкую Орду (Белую Орду). Иначе говоря, стремился сделать Тохтамыша ханом всего Улуса Джучи в качестве своего ставленника.

Войне с Тимур-Кутлуем Витовт попытался придать характер крестового похода на неверных. Папа Бонифаций IX особой буллой к духовенству Польши и Литвы велел проповедовать такой поход против нечестивых мусульман и давал разрешение от грехов всем участникам похода. Витовт собрал большое войско: с ним соединилось до пятидесяти подручных ему мелких удельных князей Литвы и Юго-Западной Руси. Многие польские паны со своими дружинами приняли участие в походе, в том числе наиболее сильный из них Спытко из Мельштина, владевший частью Подолья на правах литовского вассала.

Естественно, что в составе войска Витовта была и орда Тохтамыша. Тевтонский орден прислал несколько сотен «панцирных всадников». Наконец, Витовт решил напугать «диких татар» огнестрельным оружием. В Никоновской летописи сказано: «Витовту стоящу на другой стране реки Ворсколы, во обозе, в кованых телегах на чепех железных, со многими пищалми и пушками и самострелы».

Таким образом, применение пушек и пищалей было организовано тактически грамотно. Они были прикрыты импровизированными укреплениями из телег, соединенных железными цепями. Термин «кованая телега» очень хочется трактовать как прообраз танка

или, по крайней мере, бронированной повозки. Но я преодолеваю соблазн и оставляю читателю право самому решать, что такое кованые телеги.

Польская королева Ядвига не одобряла этого предприятия, но Витовт, уверенный в мощи своего войска, не слушал ее предостережений и в июле 1399 г. торжественно выступил в поход.

Семидесятитысячное войско Витовта благополучно переправилось за Днепр недалеко от Киева и углубилось в степи. Миновав Сулу, Хорол и Псел, оно остановилось на берегу реки Ворсклы. Вскоре на другом берегу появилась татарская орда, предводимая ханом Тимур-Кутлуем. Татарин, убедившись в превосходстве противника и чтобы выиграть время, вступил с Витовтом в переговоры. Хан ожидал к себе эмира Едигея с подкреплением.

Битва началась 12 августа 1399 г. после полудня. Ветер благоприятствовал татарам и гнал тучи пыли, поднятые татарской конницей, на войско Витовта. Пушки и пищали Витовта не испугали «диких татар», мало того, они сами использовали пушки в битве. А «кованые телеги» подвижная татарская конница просто обходила. Но дело решили не пушки, а удар засадных полков Тимур-Кутлуя, уже вечером зашедших в тыл к противнику.

Первым побежал Тохтамыш со своими татарами, а за ним побежал и Витовт со своими боярами и братом Сигизмундом. Наступившая ночь помогла их бегству.

На Ворскле было убито несколько десятков князей Рюриковичей и Гедиминовичей. В их числе: князь Андрей Кейстутевич Полоцкий, брат его князь Дмитрий Брянский, князь Иван Дмитриевич Скиндыр, князь Андрей Дмитриевич, его пасынок, князь Иван Евлашкович, князь Иван Борисович Киевский, князь Глеб Святославич Смоленский, князь Глеб Кориатович, брат его князь Семен, князь Михаил Подберезский, брат его князь Дмитрий, князь Федор Патрикеевич Вольский, князь Ямонтович, князь Иван Юрьевич Бельский.

Напомню, что Ольгердовичи Андрей Полоцкий и Дмитрий Брянский были героями недавней Куликовской битвы.

Татары преследовали бегущих до Киева. Тимур-Кутлуй взял большой откуп с этого города, «будто бы 3000 руб., да еще с Печерского монастыря 30 руб.». Татарская орда опустошила Киевскую и Волынскую земли до самого Луцка, а затем вернулась в свои степи, обремененные огромной добычей и пленниками.

Хотя подавляющее большинство воинов Витовта, как участников сражения, так и убитых, были русскими людьми из Киева, Бреста, Смоленска, Волыни и т. д., русские и украинские отечественные историки практически забыли об этой грандиозной битве средневековья. Так, в 1999 г. никто даже не подумал отметить ее 600-летие. На месте битвы не только не производилось археологических раскопок, но даже никто толком не знает, где она происходила.

Так, дореволюционные краеведы Полтавщины, в частности Л.В. Падалка, считали, что эта битва произошла в понизовье Ворсклы вблизи современных сел Кишеньки, Орлик Кобеляцкого района и Китайгород Царичанского района Днепропетровской области. Другие называли место вблизи Кобеляк за речкой Ворсклой, по дороге на Царичанку, около урочища «Красна Гора»³⁷. Кто-то видит напоминание о битве 1399 г. в названии села Побиванка.

³⁷ Материалы сайта <http://www.day.kiev.ua/276786/>

Глава 3

Спор за лавры Грюнвальда

15 июля 1410 г. войска польского короля Владислава II (Ягайло) и великого князя литовского Витовта нанесли сокрушительное поражение Тевтонскому ордену. При этом войска Витовта в подавляющем большинстве состояли из уроженцев Малой, Белой, Червонной и Великой Руси. Казалось бы, вот символ боевого братства славян, победивших своих исконных врагов тевтонов. Так, командуя русской армией в 1914–1915 гг. великий князь Николай Николаевич выступил с воззванием к полякам, где говорилось: «Не заржавел меч, разбивший врага под Грюнвальдом!» Увы, лавры Грюнвальда почти сразу превратились в яблоко раздора между «братьями славянами».

Так что же случилось? Я не буду пересказывать историю войны Тевтонского ордена, Польши и Литвы, а просто скажу, что в 1409 г. началась очередная война Ордена и Польского королевства, связанного личной унией с Литвой.

Дело в том, что в 1382 г. умер, не оставив мужского потомства, польский король Людовик. Два года в Польше шли усобицы. Наконец, в 1384 г. паны на съезде в Вислице выбрали королевой 11-летнюю Ядвигу, младшую дочь Людовика Венгерского. К этому времени Ядвига уже была замужем за герцогом Вильгельмом Габсбургским, который был старше ее на 3 года. Их повенчали, когда невесте исполнилось семь, а жениху – 10 лет, но супружескую жизнь они должны были начать, когда невесте исполнится 12 лет.

Все источники согласны в том, что Ядвига была безумно влюблена в Вильгельма. Ну а далее следует польская народная, пардон, государственная сказка. Мол, ясновельможные паны подыскивали Ядвиге другого мужа – великого князя литовского Ягайло. Тот был в 3 раза старше невесты, да еще и язычник. Бедняжка Ядвига хотела бежать к своему любимому мужу Вильгельму, но ее остановили силой.

И вот молодая девушка поступилась своей любовью и отдалась грубому старому язычнику только ради того, чтобы дикое языческое Литовское княжество приняло христианскую веру.

Култ Ядвиги возник в Польше еще в XV веке. Как писал в XIX веке историк Погодин: «...могила королевы Ядвиги в кафедральном соборе Кракова до сих пор засыпана свежими цветами, перевита новыми лентами, и народ верит в чудеса, которые на ней совершаются, и считает Ядвигу святой».

Ну а заявившийся 8 июня 1997 г. в Краков польский папа (бывший кардинал Войтиля) Иоанн Павел II торжественно провозгласил Ядвигу Святой. Стоя перед ее надгробным камнем, папа изрек: «Долго же ты ждала этой минуты, Ядвига».

Увы, сказочка про Ядвигу так же лжива, как и вся официальная история Польши. Великий князь Ягайло был, как и большинство литовских князей того времени, двоеверцем. По приезду в этническую Литву он становился язычником Ягайло, ну а в остальных частях Великого княжества Литовского был православным князем Яковом.

Следует заметить, что Ягайло несколько раз вступал в союз с Тевтонским орденом. А в 1381 г. начал войну со своим дядей Кейстутом. Ягайло был взят в плен и подписал договор с дядей, согласно которому он признавал Кейстута великим князем литовским, а сам получал доставшиеся ему по наследству Крево и Витебск.

Однако летом 1382 г. Ягайло поднял мятеж против великого князя и вновь вступил в союз с крестоносцами, вторгшимися в Литву. Ягайло предложил Кейстуту переговоры и обманом захватил его с сыном и женой. Кейстут вместе с сыном Витовтом был заключен в Киевский замок. 15 августа 1382 г. Кейстут был задушен по приказу Ягайло, а жена Кей-

стута Бирута утоплена. Та же участь грозила и Витовту, но он бежал из Киевского замка, переодевшись в женское платье. Бежал Витовт к крестоносцам и в том же 1382 г. принял католичество и имя Виганд. Замечу, что в 1384 г. Витовт перешел в православие и стал Яковом, а в 1386 г. вновь перекрестился в католики, но теперь под именем Александр. Понятно, что до 1382 г. он был язычником, ну а позже, приезжая в этническую Литву, по-прежнему выполнял языческие обряды.

В 1392 г. Витовт и Ягайло, который к этому времени уже стал польским королем Владиславом II, заключили союз. Формально Витовт стал числиться наместником польского короля в Литве, а фактически он стал неограниченным правителем ВКЛ. Когда королева Ядвига обратилась с требованием дани с Великого княжества, которое Ягайло подарил ей на вено (выкуп жениха невесте за ее девственность), Витовт предъявил ее письма боярам, и все они решительно отказали: «Никогда никому Великое княжество не платило дань!»

Позже Витовт вступает в союз с немцами, потом воюет с ними вместе с Ягайло. Последний раз перед Грюнвальдом Витовт вступит в союз с Орденом в 1408 г. (!), когда в поход на Псков с ним пойдут 2 тысячи крестоносцев.

Боюсь, что читателю совсем наскучили свары между свирепыми внуками князя Гедимина. Но что делать? Надо же показать подлинные лики борцов с «германской агрессией».

И вот 15 июля 1410 г. войска Ягайло, Витовта и гроссмейстера Ульриха фон Юнгингена сошлись в Восточной Пруссии между деревнями Грюнвальде и Танненберг. В переводе Грюнвальде означает «зеленое поле». Современные литовцы перевели на свой лад и утверждают, что битва произошла у села Жальгирис, полякам нравится название Грюнвальд, а немцы считают, что битва произошла под Танненбергом.

Какова была сила сторон? А этого никто не знает. Точнее, все знают, но каждый называет свои цифры. По данным «Военной энциклопедии»³⁸, у немцев было «60 тыс. человек, из них около 15 тыс. конницы»... «Силы союзников доходили до 100 тысяч, в том числе 25 тысяч конницы».

А вот польский профессор Анжей Надольский «убедительно доказал, что пехоты на польско-литовской стороне не было и в помине».

Известный литовский историк Эдвардас Гудавичюс утверждает: «Наиболее вероятно, что союзники выставили 18–20 тысяч, а Орден – 12 тыс. человек»³⁹.

Увы, большинство современных, особенно польских историков, представляют Грюнвальдское сражение по картине Яна Матейко, роману Генрика Сенкевича «Крестоносцы» и одноименному фильму, снятому в 1960 г. Александром Фордом.

Замечу, что картина Матейко «Грюнвальдская битва», которой посвящена статья «Священный вектор под Грюнвальдом» в журнале «Родина» (№ 7 за 2010 г.), столь же объективна, как и его более ранняя (1872 г.) картина «Батерий под Псковом». Там русские иерархи и бояре на коленях подносят ключи от Пскова польскому королю.

На самом же деле псковичи напастыляли ляхам, и Стефан вынужден был ретироваться. А в самом начале осады Стефан и его свита поставили свои шатры недалеко от стен Пскова, но вне зоны огня крепостной артиллерии. Днем псковские пушкарки навели пушки на шатры ляхов, ну а ночью дали залп. Король бежал, даже не надев подштанников. Позже Стефан возмущался, мол, надо вести войну гуманно, наши же пушки так далеко не стреляют!

Ну а Генрик Сенкевич врал так, как умеют врать только поляки. Я прочитал роман «Крестоносцы» и почти одновременно посмотрел фильм – летом 1960 г. на даче в Жаворонках, как раз во время юбилея. Мне было всего 13 лет, но меня уже тошнило от вранья, которое я ощущал интуитивно.

³⁸ Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др. В 18 т. Петербург, 1911–1915.

³⁹ Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М.: Фонд имени И.Д. Сытина; Baltus, 2005. С. 220.

Посему рассказать о Грюнвальде я предоставляю известному польскому историку Яну Длугошу. Сам он не был на «Зеленом поле», но его отец рыцарь Ян Венята в ходе битвы лично взял в плен комтура Маркварда. Кроме того, Длугош общался с десятками участников Грюнвальдской битвы.

Для начала обратим внимание на численность русских, белорусских и малорусских хоругвей (полков) в Грюнвальдской битве. Длугош пишет о войске Витовта: «Назывались же хоругви по именам земель литовских, а именно: Троцкая, Виленская, Гродненская, Ковенская, Лидская, Медницкая, Смоленская, Полоцкая, Витебская, Киевская, Пинская, Новгородская, Брестская, Волковысская, Дрогичинская, Мельницкая, Кременецкая, Стародубская; некоторые же носили названия по именам литовских князей, которые по повелению князя Витовта предводительствовали ими, а именно: Сигизмунда Корибута, Лингвеновича Симеона, Георгия»⁴⁰.

Стоит отметить, что в «княжеских» хоругвях этнических литовцев почти не было. Так, Георгий – это ведь князь пинский Юрий Всеволодович. Откуда у него этнические литовцы?

А как подсчитал в 1886 г. профессор Александр Барбашев, из 51 польской хоругви «7 имело природный русский характер (львовская, перемышльская, холмская, галичская и три подольские»⁴¹.

Данные Длугоша совпадают с подсчетами Барбашева. В итоге в польско-литовском войске русские (включая белорусов и малороссов) представляли 43 хоругви, поляки – 40, этнические литовцы – не более 4, а остальные 3 – чехи и другие наемники.

По данным Длугоша, чешские части пытались дезертировать перед битвой: «В этот день триста чехов-наемников без согласия короля и без ведома короля ушли было из королевского лагеря, неизвестно из страха ли, или подкупленные врагами. Встретив их уходящими, Миколай, подканцлер Польского королевства, следовавший за королевским лагерем, на вопрос, куда они направляются и по какой причине уходят, получил ответ, что король не производит им выплату выслуженного жалованья. "Я знаю, – сказал подканцлер, – что король Владислав щедро заплатил все, что вы выслужили, и даже прежде чем вы выслужили, так что побудила вас к вашему нынешнему уходу не обида, на которую вы должны бы были жаловаться прежде всего королю и его советникам, но страх и малодушие, когда вы узнали, что у короля сегодня будет сражение с врагами". Эта резкая речь столь сильно задела и уязвила чехов, что они оставили мысль об уходе»⁴².

На самом деле для найма чешских наемников Витовт еще в самом начале 1410 г. дал Ягайло 20 тысяч грошей. Но, судя по всему, паны традиционно разворовали оные гроши, чем вызвали возмущение чехов.

В кино, романах и трудах историков злодеи-немцы прислали Ягайло вызов с двумя немецкими герольдами, принесшими королю два обнаженных меча. Увы, на самом деле вызов на бой Ягайло прислал польский князь Казимир V Щецинский, кстати, женатый на Анне Кейстутовне, родной сестре Витовта.

Казимир V вместе с князем Корадом VII Олесницким и, соответственно, с дружинами, сражались на стороне Ордена. Замечу, что оба по мужской линии Пясты, то есть законные наследники польского престола.

Ягайло откровенно боялся сражения и до последнего ждал начала переговоров с крестоносцами. Витовт, наоборот, рвался в бой и сразу после прибытия герольдов приказал литовскому войску наступать. Лишь после того как войско ВКЛ схватилось с крестоносцами, Ягайло был вынужден отдать приказ о наступлении польским хоругвям.

⁴⁰ Длугош Я. Грюнвальдская битва. СПб.: Наука, 2007. С. 91.

⁴¹ Грая И. В июле 1410-го // Родина, 2010, № 7.

⁴² Длугош Я. Грюнвальдская битва. С. 95–96.

Крестоносцы в начале битвы нанесли сильный удар по войскам Витовта. «Когда среди литовцев, русских и татар закипела битва, литовское войско, не имея сил выдержать вражеский натиск, оказалось в худшем положении и даже отошло на расстояние одного югера; когда же крестоносцы стали теснить сильнее, оно было вынуждено снова и снова отступать и, наконец, обратилось в бегство. Великий князь литовский Александр (т. е. Витовт. — *А.Ш.*) тщетно старался остановить бегство побоями и громкими криками. В бегстве литовцы увлекли с собой даже большое число поляков, которые были приданы им в помощь. Враги рубили и забирали в плен бегущих, преследуя их на расстоянии многих миль, и считали себя уже вполне победителями. Бегущих же охватил такой страх, что большинство их прекратило бегство, только достигнув Литвы; там они сообщили, что король Владислав убит, убит также и Александр, великий князь литовский, и что, сверх того, их войска совершенно истреблены. В этом сражении русские рыцари Смоленской земли упорно сражались, стоя под собственными тремя знаменами, одни только не обратившись в бегство, и тем заслужили великую славу. Хотя под одним знаменем они были жестоко изрублены и знамя их было втоптанно в землю, однако в двух остальных отрядах они вышли победителями, сражаясь с величайшей храбростью, как подобало мужам и рыцарям, и, наконец, соединились с польскими войсками; и только они одни в войске Александра Витовта стяжали в тот день славу за храбрость и геройство в сражении; все же остальные, оставя поляков сражаться, бросились враспынную в бегство, преследуемые врагом. Александр же Витовт, великий князь литовский, весьма огорчаясь бегством своего войска и опасаясь, что из-за несчастной для них битвы будет сломлен и дух поляков, посылал одного за другим гонцов к королю, чтобы тот спешил без всякого промедления в бой; после напрасных просьб князь спешно прискакал сам, без всяких спутников, и всячески упрашивал короля вступить в бой, чтобы своим присутствием придать сражающимся больше одушевления и отваги»⁴³.

Ведя длительный бой с тремя смоленскими хоругвями и преследуя отступающие войска Витовта, немцы расстроили свои ряды. Этим и воспользовались поляки, имевшие численное превосходство над противником. В бою погиб великий магистр (гроссмейстер) ордена. По одной версии, его убил сулицей (метательным копьём) этнический литовец, по другой — копьём татарин, а по третьей — сын Тохтомыша Джелал ад-Дин.

По немецким данным, в битве погибло 203 рыцаря из Тевтонского ордена. Замечу, что Ливонский орден в 1420 г. хранил нейтралитет, имея договор с Витовтом.

Несколько рыцарей ордена были убиты уже в плену по указанию Витовта.

Польские войска вместо преследования отступающего противника увлеклись грабежом германского обоза. «Вражеские повозки, превышавшие количеством несколько тысяч, в течение четверти часа были разграблены королевскими войсками так, что от них не осталось даже и малейшего следа. Было, кроме того, в прусском стане и в обозе много бочек с вином, к которым королевское войско после разгрома врагов, утомленное сражением и летним зноем, сбегалось было, чтобы утолить жажду; некоторые рыцари для утоления жажды черпали вино шлемами, другие перчатками, иные даже сапогами. Но Владислав, король польский, из опасения, чтобы войско его, опьяненное вином, не стало бесполезным, так что в случае нападения его легко мог бы победить даже слабый враг, и чтобы от чрезмерного питья на него не напали болезнь и бессилие, велел разбить и уничтожить бочки с вином»⁴⁴.

Несмотря на этот приказ, который явно был не до конца выполнен, поляки и литовцы три дня отмечали победу и грабили убитых.

«Между тем, как одни королевские советники, рассудив, решили, чтобы Владислав, король польский, со всем своим войском провел на месте битвы три дня, как победитель,

⁴³ Длугош Я. Грюнвальдская битва. С. 102.

⁴⁴ Длугош Я. Грюнвальдская битва. С. 108.

другие возражали и по весьма здравым соображениям и основаниям настоятельно требовали без всякого промедления, ночью и днем, быстрым походом двигаться на Мариенбург. Если бы король не отверг этот совет, как бесполезный, но, произведя отбор, послал бы лучшие войска и как можно скорее двинул их на осаду Мариенбургского замка, то легко завоевал бы главный замок»⁴⁵.

Одним из спорных моментов Грюнвальдской битвы является возвращение или невозвращение большей части войска Витовта, бежавшей в начальный период битвы. Кто и что говорит – понятно. Лично я считаю, что Витовт, хотя сам и остался на поле боя, но основная часть его войска не вернулась.

Зато современные литовские и белорусские историки утверждают, что именно полководческий талант Витовта решил исход сражения. Ну а Ягайло большую часть сражения молился у своего шатра.

Никакого смертельного удара Тевтонскому ордену Грюнвальдское сражение не нанесло. Рыцари избрали нового магистра и 1 февраля 1411 г. в городе Торпе заключили мир, отказавшись от Добжинской земли и уплатив контрибуцию. В 1523 г. последний магистр Тевтонского ордена Альбрехт Бранденбург перешел из католичества в лютеранство и в 1525 г. объявил себя наследственным герцогом.

Так, вместо относительно слабого Тевтонского ордена поляки заполучили соседом Пруссию, своего будущего могильщика.

Больше всего вреда Грюнвальдское сражение нанесло русским, украинцам и белорусам. Оно положило начало полонизации Великого княжества Литовского, которое до этого было фактически западнорусским государством, где доминировали русский язык, православная вера и русские обычаи. Именно с этого времени между русскими и поляками возникает антагонизм, не преодоленный до сих пор. Поляки и в XXI веке считают территории Беларуси и Украины Восточными Кресами – старыми польскими землями.

В XVI–XVIII веках Грюнвальдское сражение было почти забыто. Битва же за его лавры возобновилась во второй половине XIX века и до сих пор идет по нарастающей. Начали ее, естественно, польские националисты. Позже к этому присоединились русские, а затем советские историки. А в XX веке включились литовские, белорусские и украинские националисты. Кто-то утверждает, что победа под Жальгирисом чисто литовская. Кто-то считает, что рыцарей напугали щирые украинцы под жевто-блакитными знаменами. Белорусские националисты утверждают, что Грюнвальдская победа чисто литвинская. Замечу, не литовская, не всех воинов Великого княжества Литовского, а лишь литвинов – богом избранного народа, коренных жителей нынешней Беларуси.

Не остались в долгу и татары. Это, мол, и они. Вот информация из Интернета: «Благодаря проекту музея Грюнвальдской битвы "Татары в битве под Грюнвальдом. История. Наследие. Шансы", который получил субсидии на сумму более 40 тысяч евро из норвежского финансового механизма и госбюджета, стало возможным не только проводить широкомасштабные действия летом (ежегодно в июле музей собирает сотни тысяч зрителей на реконструкцию битвы под Грюнвальдом), но и зимой, когда музей обычно не посещают»⁴⁶.

Что-то похоже на анекдот – Норвегия дает крупную сумму на проект «Татары под Грюнвальдом». Да их там по разным оценкам насчитывалось от 2 тысяч до 300 человек.

По случаю празднования 600-летия Грюнвальдской битвы шли помпезные торжества. Участвовали президент Польши Бронислав Коморовский, президент Литвы Даля Грибаускайте – главные «виновники» торжества, а также другие зарубежные гости. «Когда два великих наших народа вышли на поле битвы под Грюнвальдом, единые как никогда, их единство

⁴⁵ Там же. С. 112.

⁴⁶ Материалы сайта: <http://etatar.ru/top/42212>

сплотило и соседние народы, побудило их вступить в борьбу за победу, предопределившую дальнейшую судьбу не только наших стран, но и Европы», – сказала Даля Грибаускайте. А Бронислав Коморовский заявил: «Важно говорить не только о той победе, а о том, что она принесла нашим народам». И подчеркнул: эта битва положила начало тесным взаимоотношениям между двумя странами, которые продолжаются спустя столетия и способствуют интеграции Евросоюза⁴⁷.

Как жаль, что Ягайло с Витовтом так и не узнали, что они «поспособствовали интеграции Евросоюза»!

⁴⁷ Материалы сайта: <http://svpressa.ru/t/27793>

Глава 4

Казаки запорожские и реестровые

Прежде чем начать рассказ о совместных походах запорожских и малороссийских казаков с донцами и московскими воеводами, надо бы выяснить, а кто такие казаки и откуда взялись. Иначе мы мало что поймем.

Начнем с запорожцев. Почти все дореволюционные и советские авторы утверждают, что запорожцы – потомки крестьян, бежавших от гнета польских помещиков. Так, один из самых авторитетных историков запорожского казачества Д.И. Яворницкий цитирует летопись: «Поляки, приняв в свою землю Киев и малороссийские страны в 1340 году, спустя некоторое время, всех живущих в ней людей обратили в рабство; но те из этих людей, которые издревле считали себя воинами, которые научились владеть мечом и не признавали над собой рабского ига, те, не вынеся гнета и порабощения, стали самовольно селиться около реки Днепра, ниже порогов, в пустых местах и диких полях, питаясь рыбными и звериными ловлями и морским разбоем на бусурман»⁴⁸.

Первые упоминания о запорожских казаках относятся к концу XV – началу XVI века. Между тем Киевское княжество было передано полякам только Люблинской унией в 1569 г., а до этого никаких ляхов в среднем течении Днепра не было, как не было там и крепостного права. Так что теорию возникновения запорожских казаков из беглых крестьян придется оставить как несоответствующую реалиям того времени. Я же берусь утверждать, что запорожское казачество составляли... местные жители.

Сразу же оговорюсь, что документальных свидетельств этого нет, но, с другой стороны, нет никаких свидетельств, опровергающих мое утверждение.

Начнем по порядку. Вспомним о таинственных бродниках, трижды упомянутых в русских летописях. Первое упоминание о бродниках относится к 1147 году, когда они в очередной княжеской усобице вместе с половцами пришли на помощь Святославу Ольговичу.

По мнению академика В.В. Мавродина: «Бродники – это тюрки-кочевники. За это не говорит, во-первых, то, что они христиане (воевода их целует крест во время осады их лагеря у Калки татарами), а во-вторых, имя их воеводы – Плоския, звучащее по-русски». Далее Мавродин пишет: «Бродники были смешанным населением степей Причерноморья, занимавшим едва ли не весь огромный край от Приазовья и Тмутаракани до Побужья, где подобного рода люд носил уже иное название – берладников, выгонцев и т. д. Бродников было не так уж мало, ибо иначе нечем объяснить известность бродников в соседних землях и, в частности, в Венгрии, отразившуюся в документах»⁴⁹.

Бродники в своих землях не признавали власти ни князей Рюриковичей, ни половецких ханов.

После Батыева нашествия на Киев в 1240 г. и до конца XIV века история Киевской земли – сплошная черная дыра. Историк М.С. Грушевский писал: «Остается сказать еще об одном обстоятельстве – об отсутствии сведений о Киевской земле за вторую половину XIII в. и почти весь XIV в.»⁵⁰.

Данных о существовании местного летописания у нас нет, а ни князей, ни летописцев Владимиро-Суздальской Руси Киев абсолютно не интересовал.

⁴⁸ Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1990. Т. 1. С. 27.

⁴⁹ Мавродин В.В. Очерки истории левобережной Украины. СПб.: Наука, 2002. С. 348–349.

⁵⁰ Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 441.

Как же управлялась Киевская земля? По косвенным источникам, в том числе по сообщениям итальянского путешественника Плано Карпини, проезжавшего через эти места в 1246 г., южнее и западнее Киева вообще не было князей, а местным населением управляли атаманы (ватманы)⁵¹, выбираемые вечем. Периодически приезжали татарские баскаки, которым атаманы сдавали дань.

Итальянский путешественник Джованни дель Плано Карпини писал: «Мы прибыли к некоему селению, по имени Канов (Канев. – *А.Ш.*), которое было под непосредственной властью Татар. Начальник же селения дал нам лошадей и провожатых до другого селения, начальником коего был алан по имени Михей, человек, преисполненный всякой злобы и коварства»⁵².

Плано Карпини не очень разбирался в делах русских княжеств, поэтому потребуется расшифровка его записей. «Под непосредственной властью Татар», то есть там русские князья не имели никакой власти над местным населением. Ну а имя Михей мало похоже на татарское или аланское. Видимо, имя местного атамана городка, расположенного на Днепре ниже Канева, было Михаил, а провожатые итальянцев обзывали его Михеем.

Михей не понравился путешественником, так как требовал слишком много подношений за дальнейшее их сопровождение. «После этого мы выехали вместе с ним в понедельник Четыре-десятницы, и он проводил нас до первой заставы Татар. И когда в первую пятницу после дня Пепла мы стали останавливаться на ночлег при закате солнца, на нас ужасным образом ринулись вооруженные Татары, спрашивая, что мы за люди»⁵³.

Таким образом, Плано Карпини и его спутники покинули Киев 4 февраля 1246 г., проехали Канев, 19 февраля выехали из городка, где атаманом был Михей, и, наконец, 23 февраля впервые встретились с заставой татар.

Судя по всему, путешественники ехали по льду Днепра. Если они двигались со скоростью 20–30 км в сутки, что не так уж много для того времени, то даже сделав 3–4 дневки (дневные остановки), они прошли бы 350–400 км до встречи с татарской заставой.

Таким образом, записки Плано Карпини свидетельствуют о том, что почти до нынешнего Запорожья берега Днепра были заселены местными жителями, то есть бродниками, платившими дань татарам.

Совсем недавно, в 2003–2005 гг., украинские археологи, производившие раскопки на острове Большая Хортица, обнаружили поселение X – XIV веков. Археологи назвали его поселением бродников. Так это или нет, но это – местные жители, и факт обнаружения поселения неопровержимо доказывает, что жизнь в этом районе не прекращалась, начиная с IX века.

Длина всей реки, начинавшейся в Бельском уезде под Смоленском, составляла 2065 верст. Яворницкий писал: «В пределах вольностей запорожских казаков Днепр начинался с одной стороны выше речки Сухого Омельника, с другой – от устья речки Орели, и протекал пространство земли в 507 верст, имея здесь и наибольшую ширину, и наибольшую глубину, и наибольшую быстрину; в пределах же запорожских казаков он характеризовался и всеми особенностями своего течения – порогами, заборами, островами, плавнями и холмами. Всех порогов в нем при запорожских казаках считалось девять – Кодацкий, Сурской, Лоханский, Звонецкий, Ненасытецкий, иначе Дид-порог, Волниговский, иначе Внук-порог, Будиловский, Лишний и Вильный»⁵⁴.

⁵¹ От германского слова «таунтман» (начальник).

⁵² Плано Карпини Дж. История монгалов. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. С. 67–68.

⁵³ Там же. С. 68.

⁵⁴ Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 53.

Пороги тянулись на 68 км ниже Екатеринослава (с 1926 г. Днепропетровск). Лишь после постройки Днепрогэса Днепр стал полностью судоходным. А до этого времени, по утверждениям некоторых историков, эти пороги были непроходимы. На самом деле днепровские пороги следует считать условнопроходимыми.

Начну с того, что ладьи на пути «из варяг в греки» свободно проходили в оба конца. Да и дружины киевских князей в IX–XI веках проходили пороги на своих судах. Хотя, возможно, в то время уровень воды в Днепре был выше. Я видел в Киевском историческом музее огромные рыболовные крючки, а в Москве-реке последнего осетра изловили при Иване III.

В последующие века форсирование порогов происходило с переменным успехом. В 1696 г. во время второго азовского похода Петра I воевода Неплюев с 2500 солдат на 42 больших и 46 малых стругах прошел пороги, хотя и с трудом. В 1737 г. из 300 транспортных судов, отправленных из Брянска к армии Миниха, к Очакову дошли только 96. Связано это было не столько с порогами, сколько с общим разгильдяйством: множество судов было брошено за десятки верст не доходя порогов. В 1787 г. во время знаменитого путешествия Екатерины II из Киева до Херсона прошли без потерь семь галер и несколько транспортных судов.

Кроме порогов на Днепре было множество заборов. Заборы – те же гряды диких гранитных скал, разбросанных по руслу Днепра, как и гряды порогов, но не пересекавшие реку от одного берега до другого, а занимающие только ее часть, преимущественно с правого берега, и таким образом оставлявшие у другого берега свободный для судов проход. Всего на Днепре в запорожских пределах насчитывалось заборов 91.

Камни, в отличие от забора, торчали то там, то сям посреди реки или у ее берегов. Из множества камней, разбросанных по Днепру, самых известных было семь – Богатыри, Монастырько, Корабель, Гроза, Цапрыга, Гаджола и Разбойники.

Между порогами и заборами, далеко выше и ниже их, на всем Днепре в границах земли запорожских казаков насчитывалось 265 больших и малых островов.

Д.И. Яворницкий писал: «Почти все береговое пространство Днепра, исключая порожистого, одето было роскошными и едва проходимыми плавнями, доставлявшими запорожским казакам и лес, и сено, и множество дичи, и множество зверей. Плавни эти представляли собой низменность, покрытую травяною и древесною растительностью, изрезанную в разных направлениях речками, ветками, ериками, заливами, лиманами, заточинами, покрытую множеством больших и малых озер и поросшую густым, высоким и непроходимым камышом. Из всех плавен в особенности знаменита была плавня Великий Луг, начинавшаяся у левого берега Днепра, против острова Хортицы, и кончавшаяся, на протяжении около 100 верст, на том же берегу, вниз по Днепру, против урочища Палиивщины, выше Рога Микитина»⁵⁵.

Бытует мнение, что в Запорожской Сечи не было женщин. Насколько это верно – поговорим позже. А пока отвечу на другой вопрос: а откуда на Сечи брались запорожцы, поскольку там не было женщин? Главным источником пополнения казачьих рядов был приход добровольцев. Большинство их были уроженцами Малороссии и Великороссии. Но среди запорожцев встречались и поляки, болгары, волохи, татары, турки, евреи, немцы, французы и т. д.

Были ли среди них крестьяне? Да, были, но они составляли меньшинство. А большинство людей, приходивших в Сечь, хорошо умели владеть оружием. Это были дворяне (шляхтечи) в поисках приключений или бежавшие от суда и кредиторов, боевые холопы, солдаты-наемники всех мастей, военизированные мещане из городков на границе с Диким полем и т. д.

⁵⁵ Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 55–56.

Среди казаков было множество выходцев с Востока, особенно турок. «Тюркские имена десятков киевлян, каневцев и черкашан, документально подтвержденные ревизией порубежных замков середины XVI в., косвенно свидетельствуют, что казацкая среда менее всего беспокоилась о "чистоте крови" своих членов. Вот, к примеру, эти характерные имена в главном казацком гнезде – Черкассах: Балиш, Бахта, Байдык, Брухан, Бут, Гусейн, Каранда, Кыптай, Кудаш, Махмедер, Малик-баша, Моксак, Ногай, Охмат, Теребердей, Толух, Чарлан, Челек, Чигас, Чурба и др.»⁵⁶.

Итак, в Сечь брали людей всех национальностей, но при выполнении следующих условий: быть вольным и неженатым человеком, говорить по-русски, исповедовать православие и пройти своеобразное «обучение» в Сечи. И, наконец, присягнуть на верность русскому царю. Когда установили последнее условие – не ясно, оно вполне могло появиться и до 1653 г.

Прошлые грехи кандидатов в казаки не имели никакого значения. Польский сейм в 1590 г. потребовал от Запорожского войска не принимать к себе лишь приговоренных польским судом к смертной казни. Казаки же попросту проигнорировали требование ляхов.

С Сечи выдачи не было ни при поляках, ни при русских царях. Так, к примеру, сохранился документ о дезертирстве в Сечь в 1735 г. пяти солдат Ревельского драгунского полка, на конях и с вооружением. Сечь их проглотила и «не нашла», когда этого потребовало русское правительство.

Казаки не требовали никаких подтверждений условий приема в Сечь. Заявит хлопец, что хочет – ему верят; правильно перекрестится – ему опять верят и т. д.

Крайне важным является вопрос, на каком же языке говорили запорожцы? Тот же Яворницкий в «Истории запорожских казаков» утверждает, что они говорили на «малорусской речи»⁵⁷. Но, увы, ни в одном из трех томов обширной монографии не приведено подтверждение этому. Современные же украинские ученые вообще считают, что казаки говорили по-украински.

Истину каждый читатель может установить сам, прочитав грамоты запорожских казаков XVI–XVIII веков. Я сам читаю их свободно, но современный украинский «новояз» абсолютно не понимаю.

Образованная часть казацкой верхушки в XVI–XVIII веках училась по тем же грамматикам, что и Михайло Ломоносов в Москве. Все православные книги были написаны на одном и том же языке.

В XVI–XVII веках десятки тысяч малороссов бежали от ляхов на восток в Россию, и у них никогда не возникало проблем с языковым барьером.

Тысячи запорожских казаков периодически жили на Дону, и наоборот, донские казаки жили в Сечи, и тоже никому и никогда не требовалось толмача. Естественно, на Днепре и на Дону были свои сленги, но говорить о разности языков не приходится.

Формально Запорожская Сечь никогда не была независимым гособразованием. Это «государство» (а точнее – автономия) официально называлось «Войско Запорожское Его Королевской милости» при патронате польского короля или «Войско Их Царского Пресветлого Величества Запорожское» при московских царях, или «Войско Их Царского Пресветлого Величества Запорожское обеих сторон Днепра» при царе Петре I.

Фактически же запорожцы жили, вели дипломатические сношения с соседями, нападали на них и т. д. исключительно «по понятиям».

⁵⁶ Яковенко Н. Очерк истории Украины в Средние века и раннее Новое время. Авторизованный перевод с украинского В. Рыжковского. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 230.

⁵⁷ Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 145.

Так что земли Войска запорожского в XVI–XVIII веках в какой-то степени можно считать нейтральной территорией между Речью Посполитой или Россией и владениями татар и турок, а еще короче – неконтролируемой окраиной.

Сами запорожцы уже в XVI веке создали миф о равноправии и братстве всех запорожских казаков и старались поддерживать его в последующие века. Да, чисто формально все казаки были равны. Выборы атаманов и гетманов действительно были более демократичные, чем сейчас наши президентские и думские выборы. Однако реальная власть, большей частью скрытная, находилась в руках «знатных старых» казаков.

Древние мифы запорожского казачества крайне пригодились в XX веке как советским, так и националистическим историкам. Первые доказывали, что действия казаков были исключительно элементом классовой борьбы крестьян против феодалов, а вторые утверждали, что как запорожские, как и реестровые казаки представляли собой особый класс украинского народа, который боролся за национальную независимость «вильной Украины» в границах 1991 года. Как видим, цели у «совков» и националистов были разные, а мифологию они создавали примерно одинаковую.

Тот же Яворницкий противоречит своим же идеалистическим представлениям о запорожском казачестве: «...Как велико было у запорожских козаков количество лошадей, видно из того, что некоторые из них имели по 700 голов и более... Однажды кошевой атаман Петр Калнишевский продал разом до 14 000 голов лошадей, а у полковника Афанасия Колпака татары, при набеге, увели до 7000 коней...

...В одинаковой мере с коневодством и скотоводством развито было у запорожских козаков и овцеводство: у иного козака было до 4000 даже по 5000 голов овец: "рогатый скот и овцы довольно крупен содержат; шерсти с них снимают один раз и продают в Польшу"»⁵⁸.

Может ли один человек без жены и детей, пусть даже не занятый походами и пьянством, обслуживать 700 лошадей или 5000 овец? Понятно, что нет. Кстати, и Яворницкий пишет: «... овечьи стада назывались у запорожских казаков отарами, а пастухи – чабанами»⁵⁹.

То, что чабаны – не казаки, ясно из текста. А тогда кто? Тут может быть только два варианта: или рабы, или крепостные, принадлежавшие, скорей всего, богатым сечевикам, а в отдельных случаях работавшие на все Запорожское войско.

Нравится нам это или нет, но в сичевом «равноправном братстве» имела место... классовая борьба. Так, «1-го января 1749 г. при выборе должностных лиц "серома" (бедняки) изгнали из Сечи зажиточных казаков, которые разбежались по своим зимовникам, и выбрали свою старшину, из бедняков, с И. Водолагой во главе. Есаулом, по свидетельству производившего расследование секунд-майора Никифорова, был избран казак, "не имевший на себе одежды". Бунт был скоро усмирён, и засевшая в Сечи "серома" (бедняки) капитулировали.

Гораздо большие размеры имел бунт в 1768 г., во время которого взбунтовавшаяся "серома" несколько дней была господином положения и разграбила дома и имущество старшины и зажиточных казаков, бежавших за помощью в "паланки" и к русским, соседним с Запорожьем, гарнизонам. Сам кошевой атаман, как он описывает в своем показании, спасся только благодаря тому, что спрятался на чердак и бежал через дыру в крыше.

Казаками из "паланок" и организовавшейся старшиной и этот бунт был подавлен, а его зачинщики жестоко наказаны. Посланные для умирения Киевским генерал-губернатором Румянцевым 4 полка не понадобились. В архивах сохранились "описи" разграбленного имущества, поданные пострадавшей старшиной и казаками. "Опись" одного из высших старшин занимает несколько страниц перечислением разграбленного, например, 12 пар сапог новых,

⁵⁸ Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 402, 403.

⁵⁹ Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 403.

кожаных, 11 пар сапог сафьяновых, три шубы, серебряная посуда, 600 локтей полотна, 300 локтей сукна, 20 пудов риса, 10 пудов маслин, 4 пуда фиников, 2 бочки водки и т. д.

"Опись" не занимавшего никакой должности "заможного" (зажиточного) казака значительно скромнее: одна шуба, два тулупа, 4 кафтана, разное оружие и наличными деньгами (которые не успел унести) 2500 руб. крупной монетой, 75 червонцев и 12 руб. 88 коп. медной монетой. Сумма огромная по тому времени.

Кроме этих двух бунтов немало было и более мелких бунтов в "паланках" и слободах, о чем сохранилось множество документов. Например: в Калмиусской "паланке" в 1754 г., в Великом Луге в 1764 г., в Кодаке в 1761 г. и во многих других местах»⁶⁰.

Разумеется, тут не следует преувеличивать ни те, ни другие моменты – была и казачья демократия, была и привилегированная старшина.

В ходе ликвидации Запорожской Сечи в июне 1775 г. у кошевого атамана Калнышевского оказалось «15 880 голов скота, в том числе 639 лошадей. Лошади Калнышевского славились своей породой и стоили от 25 рублей и выше. В этом же году Калнышевский продал татарам 14 000 овец по 2 рубля за штуку. Писарь Глоба имел 13 774 голов скота, старшина Гараджа – 2910 голов, Нагай – 2551»⁶¹.

Риторический вопрос, о каком равенстве и братстве тут могла идти речь?

А теперь, разобравшись с запорожскими казаками, перейдем к казакам реестровым. Тут сразу возникают проблемы с терминологией, поскольку и польские короли, и русские цари часто именовали реестровых казаков запорожцами.

Чтобы избежать путаницы, еще в XVI–XVII веках запорожцев иногда называли «вольными казаками» или «низовым запорожским войском».

Я же предлагаю оставить запорожцев просто запорожцами, а казаков, живших вне Великого луга до 1648 г., – реестровыми, а позже казаков, подчинявшихся гетманам – подданным русского царя, – гетманскими. Так их удобнее называть в мирное время, а в военное целесообразнее называть малороссийскими, поскольку в боевых действиях принимало участие значительное число людей, не входивших в реестр.

5 июня 1572 г. польский король Сигизмунд II Август издал указ о формировании реестрового войска, а точнее, о принятии на королевскую службу 300 казаков, причем не из числа «вольных людей», а из зажиточных хуторян. Командовать над ними был назначен русский православный шляхтич из Белой Церкви Ян (Иван) Бадовский. После организации реестрового войска правительство стало признавать казаком только того, кто был вписан в реестр. За всеми другими поляки не признавали не только казацких прав, но и самого названия «казак».

Фактически указом 1572 г. было создано новое сословие в Речи Посполитой – казацкое. Казачество получило права и привилегии, и даже казаки, временно внесенные в реестр, пользовались этими привилегиями.

Но несмотря на то что реестровые казаки юридически считались сословной группой, за которой закон закреплял определенные права и преимущества, на самом деле так было не всегда. Старосты и местная шляхта не признавали за ними казацких прав, заставляли отбывать разные повинности, платить всевозможные сборы, отнимали имущество, подвергали их таким же притеснениям и унижениям, как и своих подданных. Права казацкой старшины нарушались повсеместно. Старосты и шляхта ущемляли экономические интересы старшины: ограничивали права в торговле, промыслах, корчме. Что же касается королевской власти, то она всегда придерживалась политики «двойного стандарта»: когда появлялась нужда в войске, король призывал крестьян вступать в реестр, а когда такая нужда пропадала, исключал новых казаков из списков.

⁶⁰ Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 389–390.

⁶¹ Полонська-Василенко Н. Історія України. Київ: Либідь, 1992. Т. 2. С. 608.

Поляки терпели реестровые войска по двум причинам: во-первых, содержание реестровых казаков для королевской казны было выгоднее, чем наемных войск. Так, расходы на 6 тысяч казаков были меньше, чем на 600 наемных пехотинцев. А во-вторых, от казаков нельзя было избавиться. В 1577 г. король Стефан Баторий писал крымскому хану: «Мы их не любим и не собираемся беречь, даже наоборот, собираемся ликвидировать, но в то же самое время не может держать там (за порогами) постоянно войско, чтобы им противодействовать».

После прихода к власти в 1576 г. Стефана Батория реестровое войско было распущено. Стефан Баторий не доверял запорожцам и видел в них больше вреда, нежели пользы. Но уже в сентябре 1578 г. Стефан Баторий по универсалу «Соглашение с низовцами» увеличил состав реестра до 600 человек, а в 1583 г. – до 800 человек. Казаки получили во владение земли от Чигирина до городка Трахтемиров в Киевском воеводстве. В Трахтемирове размещались войсковая казначейница (казна), архивы, арсенал, госпиталь, приют для бессемейных инвалидов. Король также вручил казакам клейноды – хоругвь, бунчук, булаву и войсковую печать.

В 1589 г. количество реестровых казаков достигло уже трех тысяч. В основном это были оседлые, семейные, хорошо устроенные казаки, часто обладавшие значительной собственностью. К примеру, завещание некоего Тишки Воловича включало дом в Чигирине, два имения с рыбными прудами, леса и пастбища, 120 ульев и 3 тысячи золотых слитков (из них тысяча в закладе под большие проценты). Нереестровые городовые казаки были существенно беднее реестровых.

В ходе восстания Наливайко в 1591–1596 гг. реестровое казачество польским Сеймом было упразднено. Однако в 1600 г. казаки понадобились ляхам для похода на Молдавию, и ареестр был восстановлен.

В 1602 г. по случаю Ливонского похода (против шведов) реестр был увеличен до 4 тысяч человек. Начав осаду Смоленска в 1609 г., Сигизмунд III довел реестр до 50 тыс. человек, а к 1613 г. он сократился до 30 тысяч.

В 1617 г. Сейм утвердил реестр лишь в тысячу человек, но ради похода на Москву королевич Владислав временно разрешил гетману Сагайдачному увеличить реестр до 20 тысяч.

Далее опять по ситуации: 1621 г. – война с Османской империей, битва при Хотине, и реестр взлетает до 40 тысяч, а в 1623 г. падает до 5 тысяч.

В 1632 г., вступив в войну с Россией, Владислав IV объявил неограниченный набор в реестр. И, наконец, к 1637 г. реестр составляет 6 тыс. человек.

Глава 5

Совместные походы запорожцев и донцов

В конце 30-х годов XVI века черкасско-каневским старостой становится князь Михаил Вишневецкий. Поскольку мы будем встречаться с представителями этого княжеского рода, то стоит сказать о нем несколько слов. Вишневецкие происходят от Дмитрия (Корибута) ⁶², князя Новгород-Северского, сына великого князя литовского Ольгерда. Правнук Корибута Солтан построил замок Вишневец. После смерти бездетного Солтана замок перешел к его племяннику Михаилу Васильевичу, который и стал первым князем Вишневецким. Все князья Вишневецкие были православными. Первым перешел в католичество Константин Константинович (1595 г.). А наш черкасский и каневский староста Михаил Александрович приходился внуком первому князю Вишневецкому.

Этот староста вошел в историю в связи с грамотой короля Сигизмунда I. Яворницкий писал о ней: «В 1540 году козаки черкасско-каневского старосты, князя Михаила Вишневецкого, боясь наказания за своих товарищей, ушедших на Москву, оставили замки и засели ниже их на реке Днепре; князь Михаил Вишневецкий ходатайствовал за них перед королем Сигизмундом-Августом о высылке им охранного листа для возвращения в замки»⁶³.

А вот в «Истории Украинской ССР» говорится: «Вишневецкий несколько раз вторгался в Сечь с отрядами шляхты и казаков-служебников. Запорожцы, однако, успешно отражали такие нападения. Тогда Вишневецкий в 1540 г. обратился к ним с королевской грамотой. Сигизмунд I призывал казаков, "которые нижей замков наших Черкас и Канева на Днепре суть", добровольно возвратиться в староство. Тех, кто подчинится этому приказу, король обещал освободить от наказания, предусмотренного для бежавших в "Московскую землю"»⁶⁴.

Мне лично более убедительной кажется вторая версия.

В 1545 г. казаки спустились к турецкому городу Очакову, напали там на турецких послов и ограбили их. Турецкое правительство предъявило Сигизмунду I жалобу на казаков, и король должен был из королевского «скарбу» возместить убытки потерпевшим.

В 1546 г. путивльский воевода писал в Москву великому князю Василию III: «Ныне, государь, козаков в поле много, и черкасцев, и киян, и твоих государевых, – вышли, государь, на помощь всех украин»⁶⁵. Под «украинами» воевода имел в виду войска, дислоцированные на юго-западной границе Русского государства.

Дмитрий Вишневецкий старостой черкасским и каневским пробыл только 3 года. Получив от короля Сигизмунда I отказ на свою просьбу о каком-то пожаловании, Вишневецкий ушел в Турцию и поступил на службу к турецкому султану: «А съехал он со всею своею дружиною, то есть со всем тем козацтвом или хлопством⁶⁶, которое возле него появлялось», – писал о Вишневецком король Сигизмунд Радзивиллу Черному.

Через несколько месяцев Сигизмунд II (король Польши в 1548–1572 гг.) переманил Вишневецкого обратно, дав все требуемые им пожалования. Дмитрий Иванович вновь стал старостой черкасским и каневским.

⁶² Православное имя Дмитрий, а языческое – Корибут.

⁶³ Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 10.

⁶⁴ История Украинской ССР / Под ред. И.С. Слабеева. Киев: Наукова думка, 1982. Т. 2. С. 182.

⁶⁵ Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 11.

⁶⁶ Козацтво и хлопство – личные дружины Вишневецкого. Все крупные и средние магнаты Литвы и Польши владели «частными армиями», не подчинявшимися королю.

Весной 1556 г.⁶⁷ Вишневецкий со своей «частной армией» отправился за пороги, там заложил укрепления (сечь) на острове Малая Хортица, известном также как остров Верхнехортицкий, Канцеровский, Вырва и, что наиболее интересно, остров Байда. Именно на этом острове археологи обнаружили остатки укрепления XVI века, а также ружья, обломки сабель, топоры, наконечники стрел и копий, монеты, относящиеся ко временам Дмитрия Вишневецкого.

Многие же историки считают, что Вишневецкий заложил Сечь на острове Хортица или Великая Хортица. Увы, на Хортице археологических материалов, которые бы подтверждали пребывание здесь казацких укреплений, пока что не обнаружено.

Вишневецкий, формально являвшийся подданным короля, отправил ему сообщение о постройке замка на Малой Хортице и для его укрепления попросил пушки и деньги.

Сигизмунд одобрил действия черкасского старосты, но, судя по всему, деньгами и пушками не помог. На всякий случай король уведомил о постройке замка на Хортице крымского хана Девлет Гирея: «И потому, брат наш, познаете, же оный (Хортицкий. – *А.Ш.*) заком ку нашей руке есть, кгда Вишневецкий престрогу и службу свою вам оказывати будет, и козаком, которые при нем шкод вашим людям чинити не допустит»⁶⁸.

Начало 50-х годов XVI века отмечено ежегодными походами крымских орд как на Литву, так и на Московское государство. Татары доходили до Коломны, Серпухова и Рязани. В марте 1556 г. царь Иван Грозный, не дожидаясь очередного вторжения татар, посылает дьяка Ржевского провести разведку боем в тылу противника. Ржевский на чайках (малых гребных судах) спустился по реке Псёл (правый приток Днепра) и вышел в Днепр. Черкасский и каневский староста Дмитрий Вишневецкий посылает на помощь Ржевскому 300 казаков под начальством атаманов черкасских Млынського и Есковича. Дьяк Ржевский доплыл до турецкой крепости Очаков в устье Днепра и штурмом овладел ею. На обратном пути у порогов Днепра татарский царевич нагнал войско Ржевского, но после шестидневного боя дьяку удалось обмануть татар и благополучно вернуться в Москву.

В сентябре 1556 г. Дмитрий Вишневецкий отправляет в Москву атамана Михаила Есковича с грамотой, где он бьет челом и просит, чтобы «его Государь пожаловал и велел себе служить». Ескович сказал царю, что князь совсем отъехал от польского короля и поставил среди Днепра, на Хортицком острове, против Конских Вод, у крымских кочевий, город.

Царь принял атамана с честью и, вручив ему «опасную грамоту» и царское жалованье для Вишневецкого, отправил вместе с Есковичем боярских детей Андрея Щепотьева и Нечая Ртищева с наказом объявить князю о согласии царя принять его на службу московского государства.

Через месяц после этого Вишневецкий отправил к Ивану Грозному новых послов – Андрея Щепотьева, Нечая Трищева, князя Семена Жижемского и Михаила Есковича – с извещением, что он, Вишневецкий, царский холоп и дает свое слово на том, чтобы ехать к государю, но прежде всего считает нужным повоевать татар в Крыму и под Ислам-Керменом, а уж потом прибыть в Москву.

В декабре 1557 г. Иван Грозный получил донесение своего посла из Крыма о том, что 1 октября «князь Димитрий Вишневецкий, выплывший на низовье Днепра, взял крепость Ислам-Кермень, людей ее побил, а пушки взял и вывез на Днепр, в свой Хотрицкий город»⁶⁹.

Девлет Гирей не остался в долгу и весной 1558 г. внезапно подступил к Хортице⁷⁰. Вишневецкий со своими людьми несколько недель отбивался от татар. Но вскоре в Сечи

⁶⁷ По другой версии дело было в 1553 г.

⁶⁸ Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. М., 1843. Т. 1. С. 135–136.

⁶⁹ *Яворницкий Д.И.* История запорожских казаков. Т. 2. С. 20–21.

⁷⁰ Здесь и далее речь идет о Малой Хортице.

начался голод, было съедено много казацких лошадей. Так что Вишневецкий был вынужден увести свое войско в Черкассы и Канев.

Иван IV, узнав о потере Хортицы, приказал Вишневецкому сдать Черкассы, Канев и другие контролируемые им территории польскому королю, а самому ехать в Москву. На «подъем» Вишневецкому выдали огромную по тем временам сумму – 10 тысяч рублей. В Москве Вишневецкому царь дал «на кормление» город Белев и несколько сел под Москвой. Так Иван потерял «Богдана Хмельницкого» и приобрел хорошего кондотьера.

Переход в подданство Москвы Черкас и Канева открывал широкие перспективы перед Иваном IV. В поход на татар Вишневецкий мог поднять тысячи казаков, в его распоряжении находилось несколько десятков пушек. Разумеется, польский король не остался бы равнодушен к потере южного Приднепровья. Но нет худа без добра. Походы польских войск традиционно сопровождались насилиями и грабежами, что неизбежно вызвало бы восстание и на остальной территории Малой России.

В 1556 г. Малороссия могла сама, как спелое яблоко, упасть в руки царя Ивана. Но, увы, у него были иные планы. Через два года начнется Ливонская война, и царь думает только о ней. Прорубить окно в Европу было России жизненно необходимо. Но для этого нужна была более мощная армия, более сильная экономика, 20 лет тяжелой Северной войны, постройка Петербурга, заселение новых земель, создание мощного флота и, наконец, гений Петра Великого.

Между тем Девлет Гирей ободрился уходом Вишневецкого с Хортицы и писал царю, что если тот будет присылать ему большие поминки и ту дань, которую платит польский король, то «правда в правду и дружба будет; если же царь этого не захочет, то пусть разменяется послами». Иван IV отвечал, что ханские требования к дружбе не ведут, и в конце 1558 г. отправил на татар 5 тысяч ратников под началом князя Дмитрия Вишневецкого. Войско на судах добралось по Волге до Астрахани, а оттуда двинулось к Дону. По пути к ним примкнул отряд донских казаков и кабардинцев – подданных мурзы Канклыка.

Войско Вишневецкого выше Азова форсировало Дон и вышло к нижнему Днепру, а затем блокировало Перекоп. Там князю удалось перебить отряд из 250 крымцев, пробиравшихся в Казанскую область.

Параллельно с Вишневецким царь отправил против татар и окольного Даниила Адашева с 8 тысячами ратников. Адашев на лодках спустился по Пселу до Днепра, а затем по Днепру – до Черного моря. Наконец впервые в истории ратные люди московского царя морем (!) пошли на Крым! По пути Адашев захватил два турецких корабля. Как писал С.М. Соловьев: «Адашев... высадился в Крыму, опустошил улусы, освободил русских пленников, московских и литовских. На татар, застигнутых врасплох, напал ужас, так что они не скоро могли опомниться и собраться вокруг хана, который потому и не успел напасть на Адашева в Крыму, преследовал его вверх по Днепру до Монастырки, мыса близ Ненасытицкого порога, но и здесь не решился на него напасть и ушел назад»⁷¹.

Французский посол в Константинополе сообщал своему правительству, что в начале 1561 г. русские и черкесы с «капитаном Дмитрашку спустились вниз по Дону мимо Тары (Азова) и дошли до Кафы (Феодосии)».

Нетрудно догадаться, что «капитан Дмитрашка» – это князь Дмитрий Вишневецкий. Он изрядно пограбил Кафу – крупнейший невольничий рынок на Черном море, при этом рабы-христиане были освобождены.

После этого набега Вишневецкий уходит на Днепр и устраивает лагерь на острове Монастырском (Монастырище). Старая Сечь на острове Хортица была разрушена три года назад Девлет Гиреем. Название острова происходит от монастыря, основанного в конце IX

⁷¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. III. С. 495.

века византийским монахом и разрушенного в XIII веке татаро-монголами. Сейчас остров Монастырский находится в центре Днепропетровска, там расположен «Гидропарк», а также любимые места купания натуралистов.

К этому времени отношение Дмитрия Вишневецкого к русскому царю изменилось к худшему. О причинах этого источники умалчивают, а я, в отличие от иных историков, не хочу фантазировать.

Так или иначе, но летом 1561 г. Вишневецкий отправил с Монастырского острова письмо королю Сигизмунду-Августу с просьбой прислать ему глейтовый (охранный) лист для свободного проезда из Монастырища в Краков. Король охотно согласился принять Вишневецкого к себе на службу и 5 сентября того же года прислал ему глейтовый лист: «Памятуя верная службы предков князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого, мы принимаем его в нашу господарскую ласку и дозволяем ему ехать в государство нашей отчизны и во двор наш господарский».

Получив охранную грамоту, Вишневецкий вместе с польским магнатом Альбрехтом Ласким приехал в Краков, где был с восторгом встречен горожанами. Король очень ласково принял князя и простил ему его вину. Вскоре после этого Вишневецкий сильно заболел.

Однако теперь Дмитрий Вишневецкий остался не у дел. Должность старосты черкасского и каневского занимал его двоюродный брат Михаил Александрович Вишневецкий, дед будущего кровавого гетмана Иеремии.

С 1563 г. Вишневецкий числился на службе у польского короля, но Сигизмунд-Август не давал ему ни земель, ни ответственных поручений и не преминул при случае справиться у русского царя о причинах отъезда его из Москвы, на что получил ответ Ивана IV: «Пришел он как собака и потек как собака; а мне, государю, и земле моей убытку никакого не причинил».

Годы и болезни сделали Дмитрия Вишневецкого столь дряхлым, что он уже с трудом садился на коня, но князя по-прежнему тянуло на авантюры. Он по совету своего приятеля Альбрехта Лаского решил овладеть Молдавией и стать ее господарем.

Вишневецкий в 1564 г. с 4 тысячами казаков⁷² отправился в Молдавию к молдавскому господарю Стефану V. А тот оправил Вишневецкого в Стамбул, где турки повесили его на крюке.

Походы Вишневецкого создали ему ореол героя-мученика по всей Малороссии. Кобзари слагали о нем песни. Князь – потомок Гедимины, а на 90 процентов Рюрикович, стал в песнях «казакон Байдой».

Не забывают Дмитрия Вишневецкого и сейчас. Но, увы, никому не нужен реальный князь Вишневецкий, а нужен некий мифический персонаж. Полбеда, когда это связано с исторической безграмотностью. Так, к примеру, Александр Смирнов в весьма тенденциозной книге «Морская история казачества» называет православного князя, всегда считавшего себя русским, «польским аристократом» и «польским магнатом», а затем делает вывод: «Антагонизм между польским дворянством и запорожским казачеством, похоже, сильно преувеличен сторонниками мифа о "присоединении Украины к России"»⁷³.

Ни о каких земельных владениях «магната» Вишневецкого, кроме старост в Черкаске и Каневе, историкам неизвестно. А если Дмитрия Ивановича считать ляхом, то с таким же успехом А. Смирнова можно считать зулусом или эфиопом.

⁷² Я написал «4 тысячи казаков», следуя Яворницкому (Т. 2. С. 24). Однако на следующей странице Яворницкий говорит о поляках, взятых в плен с Вишневецким, и не упоминает о казаках. Так что «казаки» Вишневецкого в 1564 г., скорей всего, были польскими шляхтичами – искателями приключений. Это тем более вероятно, что в 1563–1564 гг. Вишневецкий вообще не появлялся в Приднпровье.

⁷³ Смирнов А.А. Морская история казачества. М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 41–42.

Ну, сей пример явно несерьезен. Гораздо хуже, когда мифологизация Дмитрия Вишневецкого делается умышленно в политических целях. Так, уже Грушевский пишет: «Вишневецкий погиб, не осуществив своих планов. Но деятельность его не прошла бесследно. Не только осуществляется его мысль о создании прочной точки опоры за порогами в позднейшей Запорожской Сечи, которой он был как бы духовным отцом, но и в позднейшей казацкой политике заметны отзвуки смелых мыслей Байды о возможности для казачества, опираясь на Литву, Москву, Молдавию и даже самую Турцию, играть самостоятельную политическую роль и развивать свои силы, пользуясь совпадением своих интересов с интересами то одного, то другого государства»⁷⁴.

Нынешние «незалежные» историки идут дальше и объявляют Вишневецкого создателем запорожского войска, первым из плеяды героических гетманов Украины – борцов с московитами.

В 1992 г. самостийники переименовали сторожевой корабль погранохраны «Березань», строившийся в Керчи по проекту 1135.1, в «Гетман Байда-Вишневецкий». Замечу, что ни гетманом, ни казаком, ни литовцем Дмитрий Иванович никогда не был, и само название сторожевого корабля более чем анекдотично, как, например, «Император Невский Александр». Этот корабль должен был стать самым мощным и современным кораблем украинских ВМС. Но, увы, денег не хватило, и в 1994 г. недостроенный «Гетман...» был сдан на металлолом. Миф же о казаке Байде по-прежнему интенсивно эксплуатируется украинскими историками.

В 1558 г. крымский хан Девлет Гирей разрушил первую запорожскую Сечь на острове Малая Хортица. После ее разрушения казаки устроили небольшую Сечь на острове Томаковке. Остров имел и другие названия – Бучки, Буцкий и Городище. Последнее название говорит о том, что там было поселение еще в домонгольский период. Положение острова Томаковки в стратегическом отношении было весьма удобно: он располагался среди низменной плавни и со всех сторон охватывался реками и речками. Длина береговой линии острова немного более 6 км.

В 1574 г. флотилия запорожских чаек с кошевым атаманом Фокой Покатило прошла Черным морем до Днестровского залива, где казаки сожгли город Аккерман. Одновременно донские казаки напали на Азов. Не сумев взять крепость, они основательно пограбили окрестности и захватили несколько турецких судов. Судя по всему, поход донцов был согласован с запорожцами.

В том же году в плен к туркам попал казацкий атаман Самойло Кошка. Он на нескольких чайках пиратствовал в Черном море, не подчиняясь казачьим властям. Турки отправили Кошку на галеры, где он пробыл целых 25 лет.

В 1575 г. запорожцы со своим гетманом Богданом Ружинским совершили большой морской поход в Крым. Они разорили Гезлев (Козлов, Евпатория) и Кафу (Феодосия).

Сам Ружинский, как и Вишневецкий, был не казаком, а потомком великого князя литовского Гедимины. Прозвище (фамилию) Богдан Ружинский получил по городку Ружин Владимирского повета.

Возможно, Ружинский и числился на королевской службе, но получал жалованье от Москвы. Еще до вторжения Ружинского в Крым московский посол дьяк Матвей Иванович Ржевский доносил Ивану Грозному: «Приехал к царю крымскому с Днепра козак с вестями: на Днепр прислал московский государь к *голове*, к князю Богдану Рожинскому, и ко всем козакам днепровским с великим своим жалованьем и приказал к ним: если вам надобно в прибавку козаков, то я к вам пришлю их, сколько вам надобно, и селитру пришлю, и запас

⁷⁴ Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. М.: Сварог и К, 2001. С. 174.

всякий, и вы должны идти весной непременно на крымские улусы и к Козлову. Голова и козаки взялись государю крепко служить и очень обрадовались государственной милости»⁷⁵.

Яворницкий писал: «Богданко (Ружинский) воспользовался случаем, когда татары, в октябре месяце 1575 года, по повелению султана Амурата, мстившего Польше за помощь Сверчовского Ивоне, бросились, в числе 11 000 человек "на Русь", произвели в ней страшные пожары, захватили множество христиан в плен и погнали их на переправу к Днестру. С отборной дружиной неустрашимых козаков Богданко ворвался в татарские владения за Перекоп, опустошил страну огнем и мечем, освободил много христианских пленников из неволи, а пойманных туземцев предал лютейшей казни: козаки Богданка мужчинам выкалывали глаза, женщинам резали груди, детей безжалостно убивали»⁷⁶.

Обычно после набега на Крым казаки возвращались домой на Днепр и Дон, но тут Ружинский рискнул пересечь Черное море и захватить порт Трапезунд, а потом Синоп. Причем Синоп был разрушен до основания. Дальше казаки отправились к Босфору и основательно пограбили окрестности Стамбула. На обратном пути Ружинский осадил турецкую крепость Ислам-Кермен. Казаки устроили подкоп под стены крепости, но с количеством бочек пороха они явно переусердствовали. Взрыв оказался сильнее, чем рассчитывали, стены и башня рухнули, но при этом погибло несколько казаков, включая Ружинского.

Запорожские казаки ходили походами не только на Черное море, но и на Волгу и Каспий. К сожалению, об этих походах осталось крайне мало данных. Так, в 1580 г. хан большой ногайской орды Урус жаловался Ивану Грозному на нападения казаков на ногаев на Нижней Волге. Иван Грозный отвечал: «На Волге многие литовского короля литовские казаки живут, Федька Безстужев с товарищи. А приходят с Днепра. И приходят твоих людей громят. И литовский король с вами ссорити. И мы велели послати из Астрахани на Дон. И на Волгу тех воров сыскивати. А сыскав, велели их казнити»⁷⁷.

Понятно, что речь идет о запорожских казаках. Однако никаких других данных об атамане Федоре Бесстужеве автору найти не удалось.

Действия запорожцев на Каспии трудно отделить от операций донских и волжских казаков. Так, например, в 1631 г. тысяча донских и запорожских казаков встретились в устье Волги с тысячей яицких казаков и отправились на Каспий «добывать зипуны».

⁷⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. IV. С. 28.

⁷⁶ Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 33.

⁷⁷ Куцаинова Е.Б. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2005. С. 108.

Глава 6

Запорожцы в Смутное время

Недобрую память оставили о себе на Руси запорожские и реестровые казаки в Смутное время 1605–1618 гг. В городе Севске в 1605 г. к самозванцу подошло 12 тысяч малороссийских казаков, разделявшихся на конников (8 тысяч) и пехотинцев (4 тысячи), «с арматой из 12 исправных пушек; между малороссийскими козаками немало было и собственно запорожских или низовых козаков»⁷⁸.

На мой взгляд, это явное преувеличение: малороссийских казаков было раза в три меньше, а запорожских – несколько сотен. В любом случае запорожские казаки не играли особой роли при Лжедмитрии I.

В 1606 г. под руководством Зебжидовского паны учинил мятеж против короля Сигизмунда III. Поляки это называли вполне законным мероприятием – рокошем. В следующем году паны рокошане были разбиты королевскими войсками. В ходе рокоша мятежники привлекли на свою сторону большое число малороссийских шляхтичей, а также запорожских казаков. После подавления мятежа почти вся эта публика отправилась на службу к Лжедмитрию II, вошедшему в историю под именем Тушинского вора.

Всего к весне 1608 г. в войске Лжедмитрия II оказалось 2020 запорожцев. Их начальниками были Гриц (700 человек), Подвидзавский (750 чел.), Ростенецкий (500 человек) и Лис (100 человек). Общая же численность войска самозванца составляла 14 220 человек. Как видим, большей частью запорожцев в Тушино командовали польские шляхтичи Подвидзавский и Ростенецкий, а меньшей – атаманы Гриц и Лис. Откуда взялись два последних персонажа – неизвестно. В конце правления Сигизмунда III малороссийские казаки убили «королевского атамана Грицька»⁷⁹. Видимо, тушинец Гриц и этот Грицька были одним и тем же лицом.

Несколько позже запорожцы разошлись по разным польским отрядам. Несколько десятков или даже сотен запорожцев были в отряде Александра Лисовского – отпетого бандита, приговоренного в Польше к смерти. Вместе с Лисовским запорожцы осаждали Троице-Сергиев монастырь с 23 сентября 1608 г. по 12 января 1610 г. Об их участии в осаде упоминает и участник боевых действий Авраамий Палицын.

Однако в целом действия запорожцев в Смутное время практически невозможно отличить от действий польской и малороссийской шляхты, а также донских, волжских и местных «воровских» казаков.

Вот, к примеру, дикими расправами над населением в 1608 г. прославился какой-то атаман Наливайко. «Владимирский воевода Вельяминов (сторонник Лжедмитрия II. – *А.Ш.*) принужден был вооружиться против козаков или *загонных людей*, опустошавших Владимирский уезд. Посланный против них отряд взял в плен начальника грабителей – пана Наливайку... Весть о злодействах Наливайки дошла и до Тушина и привела в сильный гнев самозванца, который хорошо видел, как вредят козаки успеху его дела; он послал во Владимир приказ немедленно казнить Наливайку, а Сапеге, просившему освободить его, писал выговор в следующих словах: "Ты делаешь не гораздо, что о таких ворах упрощаешь: тот вор Наливайко наших людей, которые нам, великому государю, служили, побил до смерти своими руками, дворян и детей боярских и всяких людей, мужиков и женок 93 человека. И ты бы к нам вперед за таких воров не писал и нашей царской милости им не выпрашивал; мы

⁷⁸ Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 138.

⁷⁹ Грабеньский Вл. История польского народа. Минск: МФЦП, 2006. С. 273.

того вора Наливайку за его воровство велели казнить. А ты б таких воров вперед сыскивал, а сыскав, велел также казнить, чтобы такие воры нашей отчины не опустошили и христианской истинной православной крови не проливали"»⁸⁰.

Однако доказательств того, что Наливайко и его люди были запорожцами, нет. Тот же Яворницкий пишет: «...какие именно то были козаки, т. е. были ли то украинские, запорожские или какие-нибудь бродяги, принявшие имя казаков»⁸¹.

То, что делал Наливайко в России, запорожцы творили повсеместно. Так, в 1601–1603 гг. поляки попытались использовать запорожцев в войне со шведами в Прибалтике. Казаки в борьбе со шведами «ничего доброго не сделали, ни гетману, ни королю не помогли, только на Руси Полоцку великий вред сделали, и город славный Витебск опустошили, золота и серебра множество набрали, мещан знатных рубили, и такую содомию чинили, что хуже злых неприятелей или татар. Под 1603 годом: были козаки запорожские, какой-то гетман, именем Иван Куцка, с 4000 народа, брали приставство с волостей Боркулабовской и Шупенской, грошей коп 50, жита мер 500 и т. д.

В том же году, в городе Могилеве Иван Куцка сдал гетманство, потому что в войске было великое своеволие: что кто хочет, то и делает; приехал посланец от короля и панов радных, напоминал, грозил козакам, чтоб они никакого насилия в городе и по селам не делали. К этому посланцу приносил один мещанин на руках девочку шести лет, прибитую и изнасилованную, едва живую; горько, страшно было глядеть; все люди плакали, богу-создателю молились, чтобы таких своевольников истребил навеки. А когда козаки назад на Низ поехали, то великие убытки селам и городам делали, женщин, девиц, детей и лошадей с собою много брали; один козак вел лошадей 8, 10, 12, детей 3,4, женщин и девиц 4 или 3»⁸².

В 1609 г. король Сигизмунд решил вторгнуться в Московию. До этого там воевали исключительно частные армии польских и литовских магнатов. В сентябре того же года коронное войско осадило Смоленск. В составе войска было 12,5 тысячи человек, из которых 1659 – реестровые казаки. Кроме того, к войску присоединилось некоторое количество литовских татар и запорожцев. Откуда-то взялась цифра – 10 тысяч запорожских казаков. Да их тогда не было столько вообще, а если прибавить тех, кто уже был в России с Тушинским вором, кто остался в Сечи стеречь Приднепровье от татар?

Командовал запорожцами некий Олевченко. «Под Смоленском они заняли позицию около Духовского монастыря и расположились там своим табором. Впрочем, существенной пользы запорожские козаки королю на этот раз не оказали, так как они, не любя подчиняться никаким требованиям военной дисциплины, то приходили к городу, то уходили и больше занимались исканием добычи в селах и деревнях, чем продолжительной и скучной осадой города. В начале 1610 года козаки особенно разбойничали в Зубцовском уезде, в расстоянии около 300 верст от Москвы и около 200 верст от Твери. Вслед за тем запорожские черкасы принимали участие, вместе с поляками и литовцами, во взятии городов северской Украйны – Стародуба, Почепа, Чернигова, Новгород-Северска, Мосальска и Белой, заставляя жителей присягать польскому королевичу Владиславу. Жители названных городов, особенно двух первых, оказывали запорожским черкасам жесткое сопротивление и, зажигая города, бросали в пламень свои имущества, а потом кидались в него сами и погибали»⁸³.

В 1611 г. воевода Прокопий Ляпунов начал собирать ополчение против поляков. Сигизмунд III решил уничтожить Ляпунова и специально для этого направил на Рязанщину отряд запорожских казаков во главе с воеводой Исаком Сунбуловым. Известие о приближении

⁸⁰ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. IV. С. 523.

⁸¹ Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 140.

⁸² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. V. С. 438.

⁸³ Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 141.

Сунбулова застало Прокопия Ляпунова в его поместье, и он успел укрыться в деревянной крепости городка Пронска. Ратников в Пронске было мало, и Ляпунов разослал по окрестным городам отчаянные письма о помощи. Первым к Пронску двинулся князь Дмитрий Пожарский со своими зарайскими ратниками. По пути к ним присоединились отряды из Коломны. Узнав о прибытии войск Пожарского, поляки и казаки бежали из-под Пронска.

Через некоторое время Сунбулову удалось собрать свое воинство, и он решил отомстить Пожарскому, вернувшемуся из Пронска в Зарайск. Ночью запорожцы попытались внезапно захватить зарайский кремль (острог), но были отбиты. А на рассвете Пожарский устроил вылазку. Казаки в панике бежали и больше не показывались у Зарайска.

Активно действовали шайки запорожцев и на Русском Севере. Имена атаманов нам ничего не говорят: то ли это были запорожцы, то ли донцы, то ли с Волги – язык-то везде русский. Есть большое подозрение, что атаман Иван Балаш был если не запорожцем, то малороссом. Возможно, это он в 1632–1634 гг. поднял крестьянское восстание против панов, центром которого стал Стародуб. Балаш был пойман поляками и погиб в тюрьме.

Весьма вероятно, что именно запорожцы убили Ивана Сусанина. Позже убийство было приписано большому отряду поляков, которые-де хотели изловить новоизбранного царя Михаила Романова. По официальной версии, поляки схватили крестьянина Ивана Сусанина из села Домнино Костромского уезда, принадлежащего Романовым, и пытали его страшными пытками, заставляя рассказать, где скрывается Михаил. Сусанин знал, что он в Костроме, но не сказал и был замучен до смерти. Я пересказал версию С.М. Соловьева. Как известно, Федор Глинка пошел дальше. У него Иван Сусанин завел целый полк поляков в лес, где они и погибли от холода и голода, предварительно порубав на куски самого Сусанина.

У Соловьева и Глинки Сусанин спасал царя. Посему и опера получила название «Жизнь за царя». Позже большевики решили, что мужик не должен спасать царя. Опера Глинки была переделана и переименована. В опере «Иван Сусанин» герой спасал не царя, а русский народ в лице его достойных представителей – граждан города Костромы. В 90-х годах XX века «демократы» вернули опере первоначальное название, и там Сусанин опять спасает царя.

В советское время вся пропагандистская шумиха с Сусаниным явно отдавала враньем. Это чувствовали даже дети. В нашей школе большой популярностью пользовались анекдоты о Сусанине, которые были на четвертом месте после анекдотов о Василии Ивановиче, чукче и армянском радио.

На самом же деле никаких польских отрядов зимой 1612/13 г. в районе Костромы не было. Миф о Сусанине был разоблачен еще в середине XIX века профессором Н.И. Костомаровым. По-видимому, крестьянин Иван Сусанин был схвачен небольшой шайкой «воров» (воровских казаков), которых немало бродило по Руси. За что же они стали его пытать и замучили до смерти? Скорей всего, «ворам» требовались деньги. Ни воровской шайке, ни даже большому польскому отряду ни Кострома, ни Ипатьевский монастырь были не по зубам. Они были обнесены мощными каменными стенами и имели десятки крепостных орудий.

Зато в начале 1613 г. через костромские леса пробирался отряд малороссийских или запорожских казаков. Они пограбили Поморье и теперь шли в Епифань на соединение с отрядом атамана Заруцкого. Они-то и начали пытать Сусанина, дабы выведать, куда он спрятал свои ценности, или о дорогах к другим деревням.

Надо ли говорить, что за тестя, замученного казаками, а таких на Руси было десятки тысяч, Богдан Собинин не получил бы ни копейки. И вот в 1619 г. Собинин обратился к царю Михаилу с челобитной, где рассказал, что-де его тестя Ивана Сусанина Богдашкова литовские люди запытали, дабы узнать, где государь. Чудесная сказка понравилась царю и его

матери. Зятю дали денег и грамоту, подтверждавшую геройское поведение Ивана Богдашкова.

Первым и последним более-менее организованным походом запорожцев в Россию в Смутное время стал поход гетмана Сагайдачного.

Петр Конашевич Сагайдачный родился в селе Вишенька в окрестностях города Самбора (Западная Галиция) в семье мелкого православного шляхтича. В 1606 г. казаки без санкции польских властей выбрали Сагайдачного гетманом, и он стал именовать себя гетманом обеих сторон Днепра и Войска Запорожского.

Пока одна часть запорожцев грабила Московское государство вместе с поляками, другая часть во главе с Сагайдачным действовала против турок и татар. В 1605–1606 гг. казаки захватили города Аккерман и Килию, а также взяли штурмом самую сильную турецкую крепость на западном побережье

Черного моря Варну. В Варне запорожцы взяли добычи больше, чем на 180 тысяч золотых рублей⁸⁴.

В 1613 г. запорожцы дважды выходили в море и разорили несколько городов на юге Крымского полуострова. Турки выслали отряд гребных судов под Очаков – к входу в Днепро-Бугский лиман, надеясь там перехватить казаков при возвращении домой. Но запорожцы темной ночью скрытно подошли к турецким кораблям и атаковали турок. Несколько басурманских судов было сожжено, а шесть галер захвачено.

Замечу, что в этих морских походах вместе с запорожцами под командой запорожских атаманов ходили и донские казаки.

В 1614 г. до двух тысяч казаков вновь вышли в Черное море. Их вели бывшие турецкие невольники, малороссы-потурнаки, принявшие ислам («потурчившиеся»), ради спасения своих жизней служившие ранее туркам, но сумевшие обмануть их и бежать к запорожцам. Они отлично знали все входы в прибрежные черноморские города и предложили казакам вести их флотилию. Казаки согласились и, выйдя в море, двинулись к берегам Малой Азии (Анатолии) и пристали к богатой, крепкой, людной и цветущей гавани Синопу, к тому времени славившейся по всему Востоку как богатством своих жителей, так и прекрасным местоположением с чудным климатом, и потому называемой «городом любовников».

С помощью потурнаков казаки попали в город, разрушили замок, перерезали гарнизон, разграбили арсенал, сожгли несколько мечетей, домов и стоявшие у пристани суда, вырезали множество мусульман, освободили всех невольников-христиан и поспешно ушли из города. Туркам был нанесен ущерб на 40 миллионов злотых.

Известие о нападении на Синоп произвело на турок ошеломляющее впечатление. Султан Ахмед I, узнав об этом, пришел в такую ярость, что поначалу велел казнить великого визиря Насаф-пашу, и только вняв мольбам жены и дочери паши, даровал ему на этот раз жизнь, велел лишь исколотить его буздыганом (большой металлической булавой).

Весной 1615 г. запорожцы вновь вышли в море. Восемьдесят чаек вошли в пролив Босфор. Казаки высадились на берег ввиду султанской столицы. Для начала они подожгли портовые сооружения в Мизивне и Архиоки. А султан в это время был на охоте. Во время обеда в охотничьем доме он вдруг из окна увидел густой дым от двух пылавших пристаней и купеческих судов. Бросив свои забавы, Ахмед I вскочил в седло и помчался в Стамбул. Прибыв в свою столицу, он немедленно приказал готовить к бою все стоявшие там суда.

А казаки между тем беспечно продолжали свои грабежи и, задавши «превеликий страх и смутение султану и всем цареградским обывателям», спокойно покинули окрестности Стамбула.

⁸⁴ 1 золотой рубль в XVII веке равнялся примерно 17 золотым рублям начала XX века.

Турецкая эскадра сумела нагнать флотилию чаек лишь в устье Дуная. Казаки уходили, как могли, до наступления темноты, а затем повернули и пошли на абсордаж. Метая ручные зажигательные снаряды – паклю со смолой, им удалось поджечь несколько османских судов. Еще несколько галер было потоплено, а адмиральскую галеру запорожцы взяли на абсордаж и захватили на ней раненого турецкого адмирала. Он предложил казакам выкуп в 30 тысяч рублей, но вскоре умер в плену, так и не дождавшись свободы.

Разгромив турецкую эскадру, запорожцы дошли до Днепро-Бугского лимана и ввиду Очакова демонстративно сожгли трофейные галеры.

В мае 1616 г. в море вышли свыше двух тысяч запорожцев и донцов под предводительством гетмана Петра Конашевича Сагайдачного и опытных старшин – есаула Свиридовича и куренного атамана Якова Бородавки. В Днепро-Бугском лимане они внезапно напали на дежурившую там эскадру Али-паши. Турки были разбиты, а пятнадцать галер стали добычей казаков. Следует заметить, что все крупные турецкие гребные суда различных типов казаки называли галерами.

Затем казаки направились к крепости Кафа. Сагайдачный разделил свое войско на три отряда. Два из них, ведомые Свиридовичем и Бородавкой, должны были с наступлением сумерек напасть на город с суши, а третий отряд под началом самого гетмана – с моря. Казакам удалось под покровом темноты ворваться в город – ворота им открыли православные невольники. Ранним утром запорожцы уже грабили Кафу – проклятый всей Речью Посполитой и Россией город, через который прошли и навсегда исчезли где-то в восточных странах тысячи мужчин, женщин и детей, город, по своему богатству на Черном море уступавший только Константинополю.

Казаки перебили турок и сожгли Кафу, а несколько сотен бывших невольников присоединились к ним. От Кафы Сагайдачный взял курс на юг и пересек Черное море. Благодаря сильному попутному ветру казаки быстро дошли до Минеры, где захватили в порту 26 купеческих судов. От Минеры казаки берегом добрались до Синопа и Трапезунда и взяли приступом оба города, разбили войско паши Цикалы, в море потопили три больших турецких судна, еще несколько судов захватили и повернули домой.

От пленных турок Сагайдачный узнал, что султан отправил к Очакову большую эскадру Ибрагим-паши, чтобы там перехватить казачью флотилию. Тогда гетман решил обмануть Ибрагима и велел держать курс к Керченскому проливу. Чайки запорожцев и струги донцов благополучно достигли устья Дона. Донские казаки отправились по домам, а запорожцы сухим путем двинулись в Сечь.

Весть о казачьем погроме Кафы, Синопа и Трапезунда разнеслась по всей Европе. Итальянский священник и писатель первой половины XVII века Отавио Сапиенция утверждал, что казаков в Запорожье набиралось в то время от 30 до 40 тысяч человек, они выставляли от 200 до 300 чаек, смело разъезжали по Черному морю и в 1616 г. и 1617 г. с успехом нападали на города Кафу, Синоп и Трапезунд. О взятии Синопа запорожцами в 1616 г. свидетельствует и турецкий путешественник XVII века Эвлия-эфенди. Он писал, что казаки взяли этот город в одну темную ночь и что по этому случаю великий визирь Насир-паша был казнен за то, что скрыл этот факт от султана.

Наши историки (царские, советские, «демократические» и «незалежные») по идеологическим соображениям обходят набеги запорожских и донских казаков на города Кавказского и Закавказского побережья. Зато знаменитый османский путешественник XVII века Эвлия Челеби, повествуя о крепости Гонио (у современного Батума), пишет о житейском факте: «Крепость Гонио стоит на берегу моря... Крепкая, построенная из камня, крепость. Казаки много раз нападали на Гонио и, унося добычу, разоряли и разрушали ее». В 1647 г. он сам был в составе турецкого войска, выбивавшего казаков из Гонио.

Сотрудничество запорожцев и донцов было столь тесным, что сейчас нам спустя 400 лет довольно трудно разделить казаков разных войск. Зато битые турки разделяли. Так, к примеру, в 1617 г. в Константинополе великий визирь Ахмед-паша выговаривал русским послам Мансурову и Самсонову, что «ныне донские казаки на Черном море государя нашего взяли два города Синап да Требозан (Синоп и Трабзон. – *А.Ш.*) и города выжгли, и людей многих побили, и иные поморские города и волости повоевали и запустошили; и вы приходите к великому государю нашему с оманю (обманом. – *А.Ш.*), а не с прямою правдою, и ныне мне, про то казачье воровство слыша, великому государю своему и сказати неведомо как».

Гонец, прибывший от послов в Москву, докладывал в Посольском приказе, что послы были «засажены в Цареграде многое время» за то, что донские казаки в 1616–1617 гг. разорили Самсун, Трабзон, Синоп и «многие другие волости», а также захватили на море много судов.

17 сентября 1617 г. коронный гетман Жолкевский заключил мир с турками. Теперь паны решили разобраться с казаками. Они потребовали от Сагайдачного ограничить число реестровых казаков до одной тысячи и полностью прекратить нападения на татар и турок. Сагайдачный согласился со всеми польскими требованиями и 18 октября 1617 г. подписал Ольшанские соглашения. Поэтому, по крайней мере, часть запорожцев выбрала себе нового гетмана Барабаша. В письме королю гетман Жолкевский хвалился: «Я уже посеял между ними семена раздора: старшие в несогласии с чернью, так как они с радостью завели бы другие порядки».

Однако выполнять условия Ольшанских соглашения Сагайдачному не пришлось. Ляхам потребовалась помощь в борьбе с Москвой, и королевич Владислав лично обратился к Сагайдачному. Гетману удалось собрать до 20 тысяч малороссийских казаков, среди которых было несколько тысяч запорожцев.

Польское войско Владислава шло на Москву по «парадному» ходу: Смоленск – Вязьма – Можайск. А вот Сагайдачный двинулся с юга почти по пути Лжедмитрия I.

Чтобы избежать обвинений в предвзятости в описаниях «подвигов» казаков, процитирую Яворницкого: «Прежде всего он (Сагайдачный) взял и разорил города Путивль, Ливны и Елец, истребив в них много мужчин, женщин и детей...»⁸⁵

К сухому описанию Яворницкого добавлю несколько конкретных эпизодов. Так, в Путивле был разграблен Молганский монастырь, а все монахи убиты. То же повторилось в Рыльске со Свято-Никольским монастырем.

«В зависимости от Сагайдачного действовал Михайло Дорошенко с товарищами, который взял города Лебедян, Данков, Скопин и Рязкий, побив в них множество мужчин, женщин, детей "до сущих младенцев"; а потом, ворвавшись в рязанскую область, предал огню много посадов, побил несколько священников и приступил было к городу Переяславу, но был отбит и ушел к Ельцу. Сам Сагайдачный, взяв Ливны и Елец, направился в Шацкий и Данков и отсюда отправил впереди себя полковника Милостивого с 1000 человек козаков под город Михайлов (Рязанской губернии), приказав ему ворваться ночью в город и взять его»⁸⁶.

Однако под Михайловым малороссийским казакам не повезло. Все штурмы были отбиты, и 27 августа Сагайдачный, не солоно хлебавши, двинулся к Оке на соединение с войсками королевича Владислава. По пути гетман сжег Каширу, вырезав всех ее обитателей.

20 сентября войска королевича и гетмана соединились под Москвой у Донского монастыря.

⁸⁵ Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 2. С. 150.

⁸⁶ Там же. С. 150–151.

В ночь на 1 октября поляки и запорожцы⁸⁷ двинулись на штурм Москвы. Между Арбатскими и Никитскими воротами атакующим удалось ворваться в Земляной город, но стены Белого города остались неприступными.

Понесся большие потери, ляхи и запорожцы отступили. 20 октября начались переговоры на реке Пресне, недалеко от современного «Белого дома». Послы обеих сторон спорили, сидя на лошадях. Пять дней прошло в бестолковой перебранке. А тут появился Дедушка Мороз, и 27 октября Владислав бросил свой стан в Тушине и двинулся на север на Переяславскую дорогу.

Подойдя к Троицкому монастырю, поляки попытались взять его штурмом, но были встречены интенсивным артиллерийским огнем. Владислав приказал отступить на 12 верст от монастыря и разбить лагерь у села Рогачева. Королевич отправил отряды поляков грабить галицкие, костромские, ярославские, пошехонские и белозерские места, но в Белозерском уезде поляки были настигнуты воеводой князем Григорием Тюфякиным и побиты.

Через три дня казаки Тюфякина разбили в 45 верстах от Устюжны полк малороссийских казаков Яцкого. При этом казак Осип Федоров взял в плен своего родного брата Тимофея.

Сагайдачный пошел на юг по Калужской дороге. Казаки страшно опустошили Серпуховской уезд, сожгли посад самого Серпухова, но взять кремль не смогли. То же самое повторилось и в Калуге – посад разграбили, но кремля не взяли. Под Калугой Сагайдачный простоял до Деулинского перемирия.

Как видим, я не пытаюсь идеализировать запорожских и малороссийских казаков, равно как и скрывать «темные» моменты в истории русско-украинских отношений.

Хотя оппоненты могут возразить: зачем писать о зверствах малороссийских казаков в Смутное время в книге «В едином строю»? Ну, формально затем, что с 1605 по 1618 год великороссы и малороссы, пусть в разных пропорциях, но всегда были в едином строю в войсках Лжедмитрия I, Ивана Болотникова, Тушинского вора и королевича (царя) Владислава.

Правда, некоторые отряды запорожцев сражались и на стороне царя Михаила Федоровича. Так, в конце декабря 1618 г. полк малороссийских казаков отделился от гетмана Сагайдачного и пришел в Калугу. Причем многие казаки были с женами и детьми. Командовавший ими полковник Конша отправил царю челобитную, прося принять полк на службу. В январе 1619 г. было решено направить казаков Конша на службу в 18 городов центральной России и назначить им стрелецкое жалованье. Так, самому Конше и сотникам полагалось жалованье стрелецких сотников, десятникам – стрелецких десятников, остальным казакам – рядовых стрельцов. Но запорожцы посчитали это жалованье недостаточным. В апреле 1619 г. после нескольких челобитных и дезертирства части казаков бояре порешили увеличить им жалованье «против черкас старого выезда» – по 5–6 рублей (десятникам по 6 рублей с полтиной) и по 8—10 четвертей ржи и овса человеку в год.

Что же касается самого Сагайдачного, то он, видимо, наконец-то осознал, чем ему и малороссийскому казачеству грозит союз с поляками. Сагайдачный публично покался и просил прощения у иерусалимского патриарха Феофана за злодеяния, совершенные им и его казаками в России в 1618 г.

Мало того, он посылает в Москву своего атамана Петра Одинца «со товарищи» с просьбой принять гетмана вместе со всем Войском Запорожским на службу к царю.

В марте 1620 г. Одинец держал речь перед боярами. Вот ее официальная запись: «Прислали их все запорожское войско, гетман Сагайдачный с товарищами, бить челом государю, объявляя свою службу, что они все хотят ему великому государю служить головами своими

⁸⁷ В данном случае термин «запорожцы» я использую как метку, чтобы не путать с казаками, служившими у московских воевод. В войске же Сагайдачного преобладали малороссийские казаки, а не запорожцы.

по-прежнему, как они служили прежним великим российским государям и в их государских повелениях были и на недругов их ходили, крымские улусы громили. Теперь они также служат великому государю, ходили на крымские улусы, а было их 5000 человек, было им с крымскими людьми дело по Сю сторону Перекопи под самую стеною; татар было на Перекопи с 7000 человек, а на заставе с 11 000; божиею милостию и государевым счастьем татар они многих побили, народ христианский многий из рук татарских высвободили; с этою службою и с языками татарскими присланы они к государю: волен бог да царское величество, как их пожалует, а они всеми головами своими хотят служить его царскому величеству и его к царской милости к себе ныне и впредь искать хотят».

Думный дьяк Грамотин, похваливши их за службу, сказал: «Здесь в Российском государстве слух было понесся, что польский Жигимонт король учинился с турками в миру и в дружбе, а на их веру хочет наступить: так они бы объявили, как польский король с турками, папою и цесарем? А на их веру от поляков какого посягать нет ли?» Черкасы отвечали: «Посяганья на нас от польского короля никакого не бывало; с турками он в миру, а на море нам на турецких людей ходить запрещено из Запорожья, но из малых речек ходить не запрещено; про цесаря и про папу мы ничего не знаем, и на Крым нам ходить не заказано. На весну все мы идем в Запорожье, а царскому величеству все бьем челом, чтоб нас государь пожаловал как своих холопей»⁸⁸. Царь послал Сагайдачному 300 рублей «легкого жалованья» и отправил грамоту.

Вновь прошу прощения у читателя за длинную цитату, но иначе никак не схватить за руку «самостийных сказочников».

Ну а совместные походы донцов и запорожцев в Причерноморье шли своим чередом. В 1621 г. 1300 донских казаков и 400 запорожцев вышли ранней весной в Азовское море. Атаманы Суляно, Шило и Яков Бородавка избрали целью похода город Ризе на юго-западном берегу Черного моря. Казаки взяли штурмом дворец паши, понесся большие потери. На обратном пути казаков застал сильный шторм, во время которого затонуло много стругов. Тут на них напала турецкая эскадра из 27 галер. Только 300 донцов и 30 запорожцев на восьми стругах прорвались в Дон и вернулись домой.

В июне 1621 г. шестнадцать чаек появились у Стамбула, в городе началась паника. Казаки прошли вдоль берега Босфора, разоряя и сжигая все села на своем пути. На обратном пути в районе устья Дуная произошло сражение казаков с эскадрой капудан-паши Халиля. Несколько чаек туркам удалось захватить. Пленных казаков публично казнили в городе Исакчи на Дунае в присутствии самого султана: давили слонами, разрывали галерами на части, закапывали живьем, сжигали в чайках, сажали на кол. Осман II с удовольствием смотрел на казни и даже принимал в них активное участие. Разъезжая на коне возле истязаемых казаков, он стрелял в них из лука почти без промахов, так как был искусным стрелком, а головы убитых казаков султан приказывал солить и отправлять в Константинополь.

В том же году произошел и «дебют» молодого атамана Богдана Хмельницкого, который вывел в Черное море флотилию чаек. В августе 1621 г. в морском бою запорожцы утопили 12 турецких галер, а остальные преследовали до Босфора.

Весной 1622 г. на Дон прибыл отряд запорожцев с атаманом Шило. Вместе с донцами они двинулись на стругах вниз по Дону. В устье реки казаки атаковали турецкий караван и захватили три судна. Затем казаки пограбили татар в районе Балыклеи (Балаклав), погуляли у Трапезунда и, не дойдя 40 километров до Стамбула, повернули назад. На обратном пути их перехватила турецкая эскадра из 16 галер. В бою погибло 400 казаков, а остальные благополучно вернулись на Дон.

⁸⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. V. С. 439.

Князь Ежи Збараский, сенатор короны, в письме из Кракова от 8 мая (28 апреля) 1622 г. сообщал королю: «Кажется, немало их (запорожцев. – *А.Ш.*) прокралось к донцам и ушло с ними в море – значит, турки сейчас будут соединяться». Далее сенатор советовал королю сообщить великому визирю, что казаки, отправившиеся в море, – это донцы, которых выслали московские власти специально, чтобы испортить отношения Польши и Турции. Так что пусть великий визирь не верит, будто это запорожцы. Король послушал совета Збараского и направил соответствующее предупреждение великому визирю. Польский посол К. Збараский, брат сенатора, в 1623 г. напоминал великому визирю Мере Хюссейн-паше: «Ведь давали вам знать еще год назад, что с Дона к вам идут несколько челнов. Почему же ваши друзья (имеются в виду татары. – *А.Ш.*) не остановили их?»

В 1625 г. 15 тысяч донских и запорожских казаков на 300 чайках из Азовского моря вышли в Черное море и двинулись к Синопу. Каждая чайка несла по 3–4 фальконета. На западном берегу моря при Карагмане с ними в сражение вступили 43 турецкие галеры под командованием Редшида-паши. Вначале казаки брали верх, но затем ветер подул в лицо казакам. В результате они потерпели неудачу. Было потоплено 270 чаек, а 780 казаков попало в плен. Часть из них была казнена, а часть отправлена навечно на галеры.

В 1631 г. полторы тысячи донцов и запорожцев высадились в Крыму в Ахтиарской бухте, то есть будущем Севастополе, и двинулись вглубь полуострова. 8 августа казаки взяли «большой город» в Козлове (Еспатории), а татары отсиделись в «малом городе». Затем казаки ушли в море и высадились в Сары-Кермене, то есть в давно заброшенном и разрушенном Херсонесе. Здесь они устроили свою базу, из которой опустошали окрестности.

16 августа у Мангупа казаки встретились с войском хана Джанибек Гирея. Татары были разбиты, казаки захватили две пушки. Хан бежал из Бахчисарая. Но казаки по неясным причинам ушли назад, разграбив на прощание Инкерман.

24 апреля 1637 г. объединенное войско донцов и запорожцев под общим командованием донского атамана Михаила Татаринова осадило турецкую крепость Азов в устье Дона. Донцов было 4 тысячи, а запорожцев по разным данным от 1 до 3 тысяч.

28 апреля 1637 г. на Дон из Москвы прибыл дворянин Степан Чириков, привезя «царево жалованье» на 49 стругах: 2 тысячи рублей денег, 400 четвертей сухарей, толокна, круп, 40 поставов сукна, 100 пудов пороха, 50 пудов селитры, 100 пудов свинца, 40 пудов серы, 4 тысячи чугунных пушечных ядер.

Азов представлял собой сильную крепость, а у казаков не было осадной артиллерии. Но среди казаков оказался хорошо знающий осадное дело немец, при переходе в православие принявший имя Иван. Немец Иван подвел подкоп под стены Азова. В «Повести о взятии Азова» говорилось: «В день воскресенья, в четвертом часу дни (примерно в пять часов утра) месяца июня по 18 день тот мастер Иван по повелению атаманов и казаков в подкопе порох запалил. И ту градную стену вырвало и многих бусурманов за град с камением метало. И бысть аки молния великая от того порохового дыму».

Донцы и запорожцы пошли на штурм. Азов был взят. Все мусульмане, включая мирных жителей, перебиты, русские невольники освобождены, а греки, жившие в Азове, отпущены восвояси. В Азове казаки захватили 200 турецких орудий. Донские казаки остались в Азове, а запорожцы с добычей удалились в Сечь.

Первоначально гарнизон Азова составлял 4 тысячи донских казаков, многие из которых перевезли в город свои семьи. Вскоре прибыло на «житьё» 700 запорожцев. Появились купцы, открылись лавки. Турецкий же султан увяз в войне с Персией и не мог отправить против казаков больших сил.

Персидская война закончилась в 1639 г., и султан Мурад IV начал готовиться к походу на Азов, но в 1640 г. он умер. Новый султан Ибрагим сумел начать поход лишь в мае 1641 г.

По разным сведениям, султан отправил к Азову от 100 до 240 тысяч турок и татар. В городе же было 5367 казаков и 800 женщин.

В июне 1641 г. началась осада города. Турки доставили под Азов 120 осадных («ломовых») пушек и 32 мортиры. Туркам удалось захватить земляной город, но осажденные укрылись в цитадели, взять которую турки так и не смогли. Между тем наступила осень. Зимой Азовское море замерзает, и турки могли лишиться подвоза продовольствия. Кроме того, неизвестно откуда в турецком лагере возник слух, что к Азову идет царь Михаил с большим войском. В итоге 26 сентября 1641 г. турки сняли осаду и уплыли обратно, а татарская конница ушла в Крым. Потери турок и татар под Азовом превысили 20 тысяч человек. Султан Ибрагим был взбешен. Командующий осадной армией Гуссейн-паша скончался на обратном пути, зато другие начальствующие лица турецкой армии были казнены в Стамбуле.

30 апреля 1642 г. в Азов была отправлена царская грамота, окончательно поставившая точку в азовском сидении. В грамоте говорилось: «...вам, атаманам и казакам, Азова города держать нечем; а только принять не велим, а вам его покинуть и идти по старым своим куреням».

Делать было нечего, казаки вывезли из Азова все пушки и припасы, крепость была разрушена до основания.

Выбивать турок из новой крепости Азова пришлось внуку царя Михаила Петру Алексеевичу и правнучке Анне Иоанновне.

Глава 7

Казачи между Краковом, Стамбулом и Москвой

Начиная главу, я сразу хочу поставить все точки над «і». Подробное повествование о войнах Богдана Хмельницкого и последовавшей за ними Руине (так называли украинскую свару претендентов на гетманскую булаву) достойно многотомной монографии. Ну а главное, выходит за рамки нашего рассказа. Посему я всех интересующихся отправляю к трудам Соловьева, Грушевского и др. Ну а тем, кому понравилась эта книга – к моим монографиям: «Давний спор славян: Россия, Польша, Литва», «Запорожцы – русские рыцари. История запорожского войска», «Тайная история Украины», «Украина. Противостояние регионов», «Как Малая Русь стала Польской окраиной».

Замечу, что «Тайная история Украины» в 2010 г. была запрещена СБУ при президенте Ющенко.

Здесь же я уточню лишь ряд деталей. В течение второй половины XVI – первой половины XVII века в Малороссии с интервалами в 5—10 лет вспыхивали казацкие восстания. Начинались они одинаково. Вот, служит пушкарем в частной армии польского магната казак Северин Наливайко. И вдруг он узнает, что луг его отца захвачен польским шляхтичем, который к тому же приказал забить старика Наливайко насмерть палками. Следствием становится казацкая война 1595–1596 гг. под руководством Северина Наливайко и т. д.

Нетрудно сообразить, что казацкая старшина (феодалы средней руки) и казачество (смесь профессиональных наемников и мелких феодалов) не ладили с польскими магнатами и королем. Основных причин конфликтов было несколько. Польские короли желали использовать казачество лишь в качестве наемников, то есть чтобы те воевали только по приказу из Кракова, и при этом еще не платить казакам или отделяваться грошами. Казаки же предпочитали воевать постоянно, а цели походов выбирать самостоятельно.

Вторым поводом для конфликтов была агрессия католической церкви и ее пособников – униатов.

Главной же причиной конфликтов являлась собственность – маетности, пасеки, леса и хлопцы.

В начале 20-х годов XVII века католики усилили гонения на православную церковь. Так, вожди киевских униатов войт⁸⁹ Федор Ходька и мещанин Сазон сделали попытку насильственно опечатать православные церкви в Киеве.

Митрополит Иов Борецкий немедленно отправил жалобу в Запорожскую Сечь гетману Коленику Андрееву. Тот прислал отряд казаков во главе с полковниками Якимом Чигринцом и Антоном Лазаренко. По дороге к ним присоединились многие казаки и крестьяне. В начале января 1625 г. (после Крещения) полковники вступили в Киев и распечатали церкви. Войт Ходька и несколько десятков униатов были схвачены и заключены в темницу.

Иов Борецкий прекрасно понимал, что расправившиеся с униатами запорожцы не смогут защитить его и паству от коронного войска, и обратился за помощью к царю. Вот как излагает это дело историк С.М. Соловьев: «В феврале 1625 года приехал в Москву от киевского митрополита луцкий епископ Исакий с просьбою, чтоб государь взял Малороссию под свою высокую руку и простил козакам их вины. Бояре отвечали Исакию: "Как видно из твоих речей, мысль эта в самих вас еще не утвердилась, укрепленья об этом между вами еще нет; про козаков ты сказал, что их столько не будет, чтоб стоять против поляков одним

⁸⁹ Войт – в городах Литвы, Польши, Малой и Белой Руси в XV–XVIII веках выбираемое (обычно из зажиточного населения) служебное лицо, которое возглавляло магистрат.

без помощи, и говоришь, что теперь Запорожское Войско идет на весну морем на турок: так теперь царскому величеству этого дела начать нельзя. А если вперед вам от поляков в вере будет утеснение, а у вас против них будет соединение и укрепление, тогда вы царскому величеству и святейшему патриарху дайте знать; тогда царское величество и святейший патриарх будут о том мыслить, как бы православную веру и церкви божии и вас всех от еретиков в избавленьи видеть".

Исакий отвечал: "У нас та мысль крепка, мы все царской милости рады и под государевою рукою быть хотим, об этом советоваться между собою будем, а теперь боимся, если поляки на нас наступят скоро, то нам кроме государственной милости деться некуда. Если митрополит, епископы и Войско Запорожское прибегнут к царской милости и поедут на государево имя, то государь их пожаловал бы, отринуть не велел, а им кроме государя деться негде"»⁹⁰.

Как видим, московское правительство теоретически было не прочь принять в подданство Малороссию, но при этом не желало затевать большую войну с Речью Посполитой.

⁹⁰ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. V. С. 441.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.